

ИНТЕРЕСНОЕ
ЧТЕНИЕ

6-10 ЛЕТ

ИНГВАЛ
СВИНСОС

ТОМ В ГОРАХ

ISBN 978-5-00041-318-0

9 785000 413180

Ингвалл
Свинсос
ТОМ
В ГОРАХ

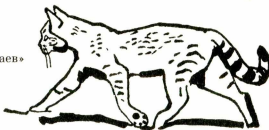
ПОВЕСТЬ

Москва

Издательство «Мелик-Пашаев»

2019

УДК 821.161.1-93
ББК 84(4Нор)
С24

Ingvald Svinsaas
Tom i villmarka

Перевод с норвежского Льва Жданова

Рисунки Георгия Никольского

ISBN 978-5-00041-318-0

© Ingvald Svinsaas Heirs, 2018

© Издание на русском языке. ООО Издательство «Мелик-Пашаев», 2019

Книга печатается по изданию: Ингвалл Свинсос. «Том в горах»
Москва. Издательство «Детская литература», 1964

Пер и **Лиза** сразу решили взять **Тома** себе, с того самого дня, когда в стене коровника, в отдушине, нашли новорождённых котят. Остальных котят разобрали соседи, но это **Пера** и **Лизу** не трогало, им нужен был только **Том**. И они принесли его в дом, а кошка, тревожно мяукая, шла следом за ними и тотчас принялась умыть единственного оставшегося у неё котёнка.

Тогда **Том** был ещё слепой, и до чего же потешно было глядеть, как он качается на своих слабеньких ножках, пытаясь идти следом за матерью. Чуть что — упал, и пищит, и мяукает, да так жалобно, что кошка скорей возвращалась, чтобы облизать его, приласкать.

И когда у него прорезались глаза, это было настоящим праздником для **Пера** и **Лизы**. Такие чудесные небесно-голубые глазки и так идут к его угольно-чёрной шубке! Дети наглядеться на него не могли. Потом позвали папу и маму:

— Смотрите, смотрите, у котёнка открылись глаза!

Весь этот день Пер и Лиза просто не могли оторваться от своего любимца, ни на шаг от него не отходили. Тогда-то он и получил имя Том. Очень подходящее имя для котёнка, которому предстояло вырасти большим, сильным, красивым котом.

Том быстро научился откликаться на зов. Уже через несколько дней стоило Лизе выйти на крыльцо и покликать: «Том, Том, где ты?» — а уж он бежит либо из коровника, либо из-за дома. Или с лесной опушки, где любил лежать, следя за птицами.

А какой он стал игрун, едва подрос! Одно слово — котёнок. Присмотрит — зашевелилось что-то, и стремглав туда, ловит лапой, выпустив острые коготки. Бывало, Пер и Лиза сделают из бумаги комок, привяжут к нему верёвочку и тянут по полу. Что тут творилось — шум, беготня; взрослые только за голову хватались. С качалки следила за игрой кошка. То расширит глаза, то сощурит — будто улыбается, глядя на весёлую возню в комнате.

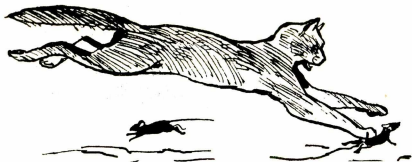
К зиме Тома стало не узнать, так сильно он вырос.

— Это просто невероятно, как быстро растёт этот кот, — удивлялся отец, глядя шелковистую чёрную шубку.

И только Пер и Лиза ни капельки не удивлялись. Когда мама сепарировала молоко, кто, как не они, спешили набрать сливок! Возле буфета стояло блюдечко Тома. Кошка ела со своего

блюдца в подпечье и никогда не трогала того, что ставили Тому.

Да они и сами умели добыть себе пропитание. Не было такого уголка, где бы они ни рыскали. В коровнике, в амбаре, на сеновале, даже в старой сыроварне — всюду водились мыши. Только зима на двор, как полевые, луговые и лесные мыши сбегались попользоваться тем, что люди припасли за лето. И сами попадали на обед! К Новому году кошка и Том отъелись так, что любо посмотреть. Ну как не похвалить четвероногих охотников, которые не давали мышам портить и переводить собранный урожай?

Кончилась зима, запела на склонах весенняя капель. Днём снег быстро таял на солнцепёке, но вечерами в тенистых оврагах ещё блестел голубой наст. Всюду пели, звенели ручьи, чернели проталины.

Папа и мама стали поговаривать о том, что скоро в путь пора. В горах, километрах в десяти от хутора, был их сетер — постройки и горные

луга, куда перегоняли скот на лето. Уже не один год Пер и Лиза проводили чудесные летние месяцы в сказочном краю, где их на каждом шагу ждали приключения, где в ручьях и речушках водилась большая рыба, а играм не было счёта. И едва наступала весна, как они уже ждали переезда. Где на свете есть ещё такое красивое место? Дома и то не так хорошо, как на сетере.

И вот настал заветный день. Папа и мама поднялись чуть свет. Ещё немало дел нужно было переделать, чтобы бабушка, оставшись дома одна, могла справиться с хозяйством. Так уж повелось: последние минуты сборов всегда самые хлопотные. Но к десяти утра всё было готово. Папа вывел из конюшни Блаккена и запряг в подводу, мама пошла выгонять скотину. В путь!

Постойте! Кто сказал, что всё готово? А как быть с Томом? Никто не подумал об этом раньше. Пер и Лиза хотели взять его с собой на сетер. Они и мысли не допускали о том, чтобы целое лето жить без Тома.

Как же поступить? Сказать детям «нельзя»? Но папа и мама понимали, что таким ответом только всю радость испортишь. А брать кота с собой вряд ли стоит: в горной глуши коты очень быстро дичают. Родители так и объяснили Перу и Лизе. Мол, Тому лучше всего остаться дома, с бабушкой. Зато сколько радости будет осенью, когда они вернутся с гор. К тому времени Том станет совсем громадным.

Какое там! Пер и Лиза чуть не плакали от огорчения. А кот — вот ведь удивительно! — льнул к детям, тёрся об ноги и так жалобно мяукал, точно чуял беду.

Ничего не поделаешь, надо брать его с собой. Мама пошла на чердак, отыскала большую корзину и выстелила её старой одеждой, чтобы мягко было.

«Запаковать» Тома поручили Перу. Кот ничуть не сопротивлялся, послушно лёг на дно корзины и даже не пискнул, когда его закрыли крышкой. Наконец все двинулись в путь — и люди и скотина.

На полпути Том вдруг затеял мяукать. Видно, решил, что пора на волю. Пришлось Перу и Лизе попеременно уговаривать его. Ничего, успокоился, даже помурлыкал в ответ.

— Такого послушного кота во всём свете не сыскать, — сказал Пер.

Отец рассмеялся.

— Что ж, ты, может, и прав, Пер, — согласился он. Потом добавил: — А только ещё неизвестно, что дальше будет. Чего доброго, испугается на новом месте. Вы присматривайте за ним!

Дети не сомневались, что справятся с этой задачей. Ведь Том всегда ходил за ними как привязанный. И всё-таки мама, когда они добрались до сетера и внесли корзину в дом, сказала:

— Скорей затворите дверь! Пусть сначала в комнате приживётся.

Пер и Лиза волновались, когда папа стал снимать с корзины крышку. А Том преспокойно лежал на дне! Вот вытянул передние лапы, хорошенько зевнул... Встал и прямо через край корзины спрыгнул на пол. Это он-то испугается? Как бы не так! Том потёрся о ноги детей и как ни в чём не бывало отправился лакать молоко. Мама уже успела налить ему полное блюдце.

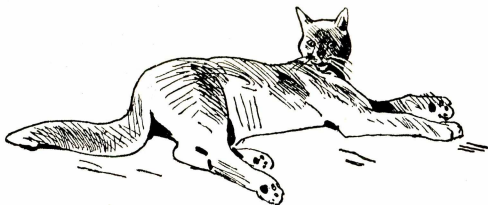
Тогда Пер и Лиза достали верёвку с бумажкой. И Том не заставил себя упрашивать — пошла такая игра, что пыль столбом!

Вечером Том обиженно мяукал в сенях. Его не пускали на волю, а так хотелось в коровнике побывать. Но мама твёрдо стояла на своём: на новом месте нельзя сразу выпускать кота. Сперва пусть привыкнет. Не то убежит куда-нибудь, а обратно пути уж не найдёт.

Через несколько дней Тому разрешили гулять. Куда бы дети ни пошли, и он за ними, ходил

даже с Пером на речку рыбу ловить. Попадётся на крючок рыбёшка — Пер её Тому кидает. А уж тот не зевал, больно рыба ему по вкусу пришлась. И стали они с Пером большие походы совершать. Вдоль реки, сквозь кусты и густые заросли, а где по берегу никак не пройти, вместе по камням прыгали. Том совсем не боялся воды, а рыбу уписывал так, что все только дивились: как он не лопнет!

— Да он за тобой словно пёс ходит, — сказал однажды Перу отец. — И ростом собаке не уступит! Нет, я в жизни такого здоровенного кота не видал. Худо будет тому, с кем он не поладит!

Что верно, то верно. Том рос необычайно быстро, не по дням, а по часам. Видно, парное молоко и рыба шли ему впрок. Когда Пер поднимал его на руки, то задние лапы Тома волочились по полу. И не оторвать — такой тяжёлый!

Это очень даже хорошо, что Том рос таким крупным. Ведь его ожидали великие испытания, борьба не на жизнь, а на смерть. Но он этого, конечно, не знал, не знали и Пер с Лизой, даже папа и мама. Если бы только они подозревали, что получится, они бы уж, наверно, постарались этого избежать...

Лето выдалось на редкость удачное. Оно было особенно радостным для детей благодаря Тому. Дети и кот ни одного дня не были врозь. Дружба необыкновенная — с утра до вечера вместе! Случалось, правда, Пер и Лиза до того увлекутся своим стадом, своими «коровами» из еловых шишек, что на время забудут про Тома. Но всё равно он сидел тут же рядом, следя за игрой. И час и два мог так сидеть, никому не мешал. Точно ему достаточно было того, что его друзьям весело.

— Удивительный кот, — сказала однажды мама, стоя в дверях и глядя на них. — Почти как человек!

— Верно, — согласился папа. — Недаром говорят: добром и от животного добра добьёшься. Как ты о скотине печёшься, мать, зато ни одной коровы бодливой нет, и не убегают в лес через изгородь, не пропадают.

Но вот лето подошло к концу. Выцвело небо, солнце словно поблёкло. Август осени дверь отворил. Тут и там в листве на склонах вспыхнули жёлтые пятна, быстрая речка по-осеннему отливала стеклянным блеском. Но ехать с сетера

домой было ещё рано, погода могла продержаться до середины сентября.

Стояли погожие, безоблачные дни. Пер и Лиза бегали купаться в ручейке, Том с берега смотрел на них. А когда парило и небольшая гроза освежала долину дождём, клёв был замечательный. Раздолье Тому! Он так и льнул к Перу, особенно если тот подцепит рыбу покрупнее. Лиза тем временем играла «коровами». В загончике возле крыльца у неё собралось целое стадо, тут тебе и «кони», и «овцы», и «козы»...

О том, чтобы домой возвращаться, дети не помышляли. И уж не меньше недели ещё прошло бы до отъезда, а то и двух, не приключись такое дело, что всё поломало. Ночью мама вдруг занемогла: в боку больно, температура поднялась.

Это у неё был уже не первый приступ, врачи давно определили аппендицит. Чуть рассвело, отец сел на велосипед и поспешил вниз, в село. Вернулся он на автомашине не один, а с помощниками. К самому селу машина не смогла пройти, но они маму положили на носилки и донесли на руках.

Пришлось тут всем скоренько собираться домой. Пера и Лизу посадили на ту же машину, в кабинку. Отец вместе с двумя товарищами погнал скотину. Следом за стадом поехала подвода. Грузили её наспех, как попало, масло и головки сыра накидали вперемешку.

Пер и Лиза сильно горевали, за маму тревожились. Но отец успокоил: никакой опасности нет, мама скоро вернётся из больницы, больше недели не пробудет. Полно плакать-то. Хорошо, мама не видит, она бы только огорчилась.

Словом, такой переполох был, что про Тома-то и забыли. А он, как явились на сел незнакомые люди, по кошацъему обычаю ушёл с глаз долой, решил в лесу отсидеться. Только вечером воротился — и застал пустой дом. До того растерялся: стоит на крыльце, ничего понять не может. Почему так тихо? Куда девались Пер и Лиза? Неладно что-то: ведь они всегда в это время на дворе играют!..

Он подошёл к двери, прислушался. Тишина! Как, папы и мамы тоже в доме нет? Небывалое дело. Том поднялся на задних лапах, царапнул дверь, мяукнул. Не отворяют. Попробовал ещё

раз позвать, ещё... Никого. И Том, обиженный и покинутый, забрался на сеновал и лёг там на свежем сене.

* * *

Мамина болезнь так встревожила Пера и Лизу, что им было не до Тома. И только дома Пер вдруг вспомнил: Том остался на сетере!

— Папа! Мы забыли Тома! — закричал он, а у самого слёзы по щекам бегут.

Глядя на него, и Лиза расплакалась.

Надо же так: беда за бедой!

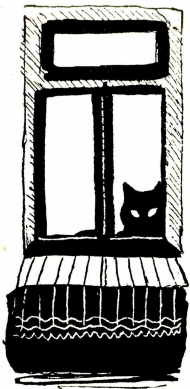
Отец постарался их утешить, обещал в ближайшие же дни съездить на сетер, забрать кота. Мало-помалу дети успокоились. Сейчас они прежде всего думали о маме, очень хотелось поскорее её увидеть. Главное — мама, потом уже Том! Но и друга не забывали, всё старались представить себе, как он там живёт один. Конечно, хуже всего ему без молока обходиться. Привык ведь пить вволю и утром и вечером, в любое время дня! Ничего, напьётся воды из жёлоба возле сарая, где ставили молоко остывать...

Как-то так получилось, что всё не мог папа выбрать время съездить за котом. То одно, то другое — без мамы сразу хлопот прибавилось. Пер и Лиза считали дни, не могли дожждаться её возвращения. И вот уже осталось только две ночи. Ночью всего хуже было: увидят маму во сне и просыпаются. Потом уснуть невозможно.

Наконец мама приехала! Они думали, что её, ещё совсем слабую, привезут, а она как ни в чём не бывало сидела в автомашине, разве что осунулась немного и побледнела. Пер и Лиза на радостях чуть не сбили её с ног. Весь день не могли от мамы оторваться.

А когда настал вечер, снова вспомнили про Тома, и так его жалко... Мама-то дома уже, теперь Том все мысли занял. Видя, как огорчаются дети, папа сказал, что завтра непременно отправится на сетер и привезёт кота.

Ещё не рассвело как следует, когда он сел на свой велосипед. К багажнику был привязан длинный ящик. Теперь уж в корзине Тома не увезёшь: не поместится! Пер и Лиза вышли на крыльцо проводить папу. Скоро они опять увидятся с Томом!

До чего же длинной показалась Тому эта неделя... Дни тянулись чередой, а на сетере всё тихо, ни души. Нет-нет да подойдёт к двери и царапается, зовёт. Никакого ответа.

Один раз он даже в окно заглянул снаружи. Встал на задние лапы, вытянулся во весь рост и увидел: пусто в доме. Том испугался, до тех пор ему всё как-то не верилось, что никого нет. Куда подевались папа и мама? Где Пер и Лиза? Непонятно...

Жалобно мяукая, Том пошёл на сеновал. Он теперь всё время там ночевал. Ему снились Пер и Лиза, душистое молоко, рыба, которую ловил Пер.

Утром Том просыпался совсем расстроенный и спускался к жёлобу напиться воды. Потом шёл на охоту. Притаится возле мышиной норы и ждёт, когда мышь выйдет. Тут большое терпение нужно, а у Тома от голода живот подводило. Посидит-посидит, не дожждётся добычи и идёт к двери — звать пропавших хозяев.

* * *

Подоспей отец на полчаса раньше, и всё было бы хорошо. Но его опередили двое мальчишек. Два подростка с соседнего сетера пошли на рыбалку, захватив с собой малокалиберную винтовку, которую взяли без разрешения. На крыльце чужого дома они увидели здорового кота. Один из мальчишек прицелился и выстрелил. Пуля попала в каменную плиту рядом с Томом. Он высоко подпрыгнул, потом огромными скачками помчался мимо коровника в лес.

Где только не искал отец: на сеновале, в коровнике, даже под дом заглянул между камнями.

— Кис-кис! Где ты? Том, Том, выходи!

Достал из рюкзака бутылку молока, налил полное блюдо и снова стал кликать. Том не появлялся. Тогда отец вошёл в дом, затопил печь, приготовил себе кофе. Нарочно не спешил, надеялся, что кот ещё придёт. Уж очень ему не хотелось без Тома домой возвращаться.

Но вот и кофе выпит. Снова отец вышел на крыльцо и покликнул. Потом надел куртку и обошёл ближние луга. Может, Том в засаде у норки лежит, мышь подстерегает, как летом бывало?

— Том, Том, иди сюда! Кис-кис! Где ты?

Вот беда-то! Нету кота. Видать, придётся без него домой ехать. Ищи не ищи — толку чуть.

Всё-таки, прежде чем уходить, отец ещё посидел на крыльце. То туда, то сюда поглядит: не покажется ли Том. И на сеновал ещё раз поднялся, всё сено перерыл, хотя отлично знал, что не станет кот прятаться там в такой погожий день. Конечно, не нашёл. Тогда он взял пилу и выпилил для Тома ход в наружной двери, чтобы мог войти, когда захочет. Из старой овчины сделал на кровати хорошую постель. Складывает, чтобы помягче было, а сам с грустью думает о том, что бедняге Тому не миновать зимовки на сетере. Ох и туго ему достанется! Одичает небось и будет сторониться людей. От таких

мыслей настроение у отца совсем испортилось. Что он теперь дома скажет?

А Том, когда отец, отчаявшись, поехал домой, пристально следил за ним из-за кочки. Пуля, которая ударила так близко, и звук выстрела напугали кота. Он теперь боялся человека: вдруг опять выстрелит! Прежде Том таким не был. Но, после того что приключилось утром, он уже начал дичать.

* * *

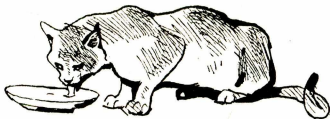
Как же горько плакали Пер и Лиза, когда отец вернулся без Тома! Он им обещал, что вскоре опять съездит на сетер, только после этого они немного успокоились. Да и нечего тревожиться пока: погода тёплая, до снега далеко. Правда, осень вот-вот начнётся, будет Тому и зябко, и голодно. Ничего, мышей ловить он умеет, а там, глядишь, и покрупнее добыча подвернётся. С питьём, конечно, хуже: ведь он привык к молоку. А впрочем, чего голову ломать: отыщется Том, отец в этом не сомневался. И мама была уверена, что отыщется.

* * *

Встреча с мальчишками насторожила Тома, он никак не решался подойти к дому. Всё-таки вечером он вышел из-за коровника. Идёт медленно-медленно и оглядывается по сторонам:

не стреляют? Наконец отважился подняться на крыльцо. Сжался в комочек, чтобы не приметил кто, и ждёт. Боязно как-никак. Потом поднялся на задние лапы, царапнул дверь, помяукал. Том чувствовал, что ни Пер с Лизой, ни папа с мамой не причастны к страшному звуку. Застать бы их дома, а уж они его в обиду не дадут. И он опять стал царапать дверь, громко жалуясь.

Вдруг он увидел отверстие. Гибким звериным движением скользнул в лазейку и очутился в сенях. Нашёл блюдечко с молоком, которое отец поставил, и ну лакать, да так жадно, точно в жизни не пробовал. Непонятно, откуда молоко? Неужели кто дома есть? Том прислушался: из комнаты ни звука. Дверь была приотворена,

и он вошёл. Удивлённо поглядел кругом — ему всё не верилось, что ни Пера, ни Лизы нет, ни папы, ни мамы. И когда он убедился, что это так, то протяжно и жалобно замаяукал. Потом прыгнул на постель, которую ему приготовил отец. Тепло и уютно... Том даже замурлыкал. И так странно звучало это мурлыканье в опустевшем доме.

* * *

Снова отец приезжал на сетер — и снова напрасно... А тут и осень подоспела: леденящий дождь, тоскливый вой ветра под стрехами. До того сыро и неприветно на дворе, что Том по многу дней в доме отсиживался. Будто прихворнул — бывает так с котами в ненастную погоду. Уж когда очень голод доймёт, выйдет в сени, закусит мышкой, потом к жёлобу — воды напьётся. Иногда Том подходил к пустому блюдцу и долго обнюхивал его, удивлялся: где молоко? Но хозяев искать уже перестал. Пер и Лиза, мама и папа — все куда-то подевались. Разве что во сне их увидит — и всплакнёт, и лапами перебирает, точно бежать хочет к ним.

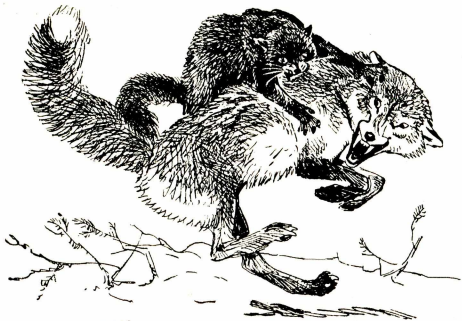
* * *

В эту мрачную осеннюю пору Том, что ни день, всё больше дичал. Мыши почти перевелись, такому огромному коту еды никак не хватало, и он решил попытать счастья в лесу. Раза два пробовал глухарку схватить, самую малость промахнулся, из-под носа ушла добыча. И злой же он домой возвращался: скверно на голодный желудок спать ложиться.

Но однажды утром приключилось такое, после чего Том стал настоящим охотником. К этому времени он так вырос, что его можно было принять за рысь. Вот только мех не рысий, да уши без кисточек, и движения не те.

До того дня Том по-настоящему не встречался с лесными зверями, раз только видел, как промелькнула лиса. А тут, юркнув утром через лазейку на двор, Том у самого крыльца застал лису. Она играла мышью, которую здесь же поймала. От неожиданности он подпрыгнул, фыркнул, а лиса бросила добычу и на него! Да так быстро, что Том не успел обратно в лазейку шмыгнуть. Подскочил высоко в воздух, перелетел через разбойницу и опрометью помчался к коровнику. Лиса — за ним!

Известно: кот на дерево, на стену деревянную стрелой взлетит, и ни одна лиса его там не достанет. Но, видно, Том растерялся, с разбегу забился в угол, и никуда ему хода нет. Теперь уже

выбора никакого, драться надо, коли хочешь быть жив! А лиса — ближе, ближе, медленно так, осторожно... И вдруг прямо на Тома прыгнула, хотела ему шею перегрызть своими зубищами. Да ведь и он не зевал! Как ни проворна лиса, кот ещё проворнее. К тому же противник ей попался на редкость большой и сильный, весом ничуть не меньше её. И получилось, что не лиса на кота, а Том лисе на загривок вскочил и впился зубами, не оторвать.

Что тут было в коровнике — бой! Лиса выла, каталась по земле, и так и сяк норовила Тома схватить. Кот рвал её когтями, зубами, в тесном стойле шерсть клочьями летела. Лиса как бешеная билась, всё старалась сбросить кота. Не тут-то было! Его когти впивались всё глубже, страшные царапины исполосовали лисью голову.

Как ни билась лиса, как ни визжала, Том её не отпускал. И разбойница не выдержала, с диким воем кинулась наутёк. Будто огненная стрела вылетела из коровника. Это улепётывала через луг лиса, которую оседлал огромный котище. Теперь Том просто не решался её отпустить. Тогда разбойница ринулась в самую чащу леса, чтобы его сшибло ветками. Ей посчастливилось: низко висящий сук зацепил Тома и отбросил назад, а лиса, не останавливаясь, умчалась прочь.

Том тоже побежал домой на сетер. Добежав до крыльца, сел, стал умываться, приводить себя в порядок. Потом юркнул в дом и лёг на свою

мягкую постель. Несмотря на жестокую схватку, у него не было ни единой царапины.

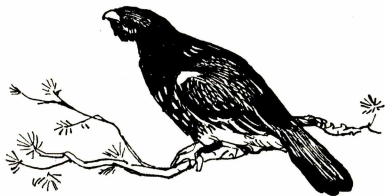
С того дня Том лисам дорогу не уступал. И они будто знали, с кем имеют дело. Как приметят Тома, за сто шагов обходят.

* * *

Чтобы не погибнуть с голоду в горах, надо было охотиться, охотиться всерьёз. Ведь Тому теперь еды требовалось чуть ли не столько же, сколько рыси. Он отощал, облез. Мыши да несколько кротов — вот и всё, что ему удавалось добыть до сих пор. И Том на целые дни, дотемна, стал залегать в засаду, подстерегая в лесу птиц, которые купались в снегу.

Да-да, выйди зимой тихонько в лес и увидишь, быть может, как глухарь купается в холодном сухом снегу. Впрочем, чаще только взмахи тяжёлых крыльев услышишь — очень птица чуткая, трудно подойти неприметно. Взгляни-ка: вон ямка, вон следы и перья там, где лежал глухарь, когда ты спугнул его. Он и сейчас где-нибудь поблизости, в эту пору глухарь далеко не улетает. Сидит на дереве рядом и ждёт, когда ты уйдёшь, чтобы снова затеять своё купание.

Первые неудачи не обескуражили Тома, он решил действовать хитрее. Сразу за коровником стояли две большие сосны, возле которых Том прятался в засаду. А что, если незаметно влезть на дерево и притаиться на нижнем суку?

И когда птицы устроят возню в снегу, он на них сверху прыг!..

Рано утром Том пошёл туда, к соснам. До чего же снег глубокий и холодный! Кот поминутно останавливался и тряс то одну, то другую лапу. Вот так снег, прямо обжигает, и больно как! Но голод подгонял Тома вперёд, и понемногу лапы привыкли.

Солнце позолотило горы на востоке. Красивый морозный день... Берёзки на склонах окутались пушистым инеем. Солнечные лучи дотянулись до белых макушек и превратили иней в сверкающие алмазики.

Вот и сосны. А может, птицы уже здесь? Том внимательно посмотрел. Пока нет... Пожалуй, лучше та сосна, что потолще, — и ветви длинные, почти до земли свисают. Как раз под ветвями вмятины на снегу, где птицы лежали. Том на самый конец ветки пробрался и лёг, словно сросся с ней. От его тяжести она даже закачалась.

Но до чего же лапы мёрзнут! Том поджал их под себя, собственным мехом накрыл. Так-то

теплее будет. А теперь внимание! Скоро должны появиться птицы...

И действительно: долго ждать не пришлось. Едва в снег под соснами вонзились первые солнечные копыя, как откуда-то сверху на больших красивых крыльях бесшумно спустились глухарь и две глухарки. Вот сели, взметнув вихрем снег. Под лучами солнца перья глухаря отливали голубой сталью. Блестели карие бусинки глаз.

Одна из глухарок приземлилась как раз под Томом, в старой ямке. У него даже зубы застучали: бывает так с голодными котами, когда они рядом добычу видят. Беспокойно задёргался длинный чёрный хвост...

Том тихохонько повернулся, чтобы удобнее было прыгать. Густая хвоя совершенно скрывала его, и глухарка ничего не заметила.

Готово... Том напряг ноги, чуть переступил — и с размаху упал птице прямо на спину!

И вот уже Том волочит добычу по глубокому снегу. Тяжёлая! То и дело кот с головой проваливался в сугроб. Протащит немного — отдохнёт, а заодно кусок дичи проглотит, уж очень проголодался. Так он мало-помалу добрался с добычей до дома. На крыльце возле лаза выпустил, шмыгнул внутрь, а уж потом лапой втянул за собой глухарку. В сенях опять схватил зубами и отнёс в комнату.

С этого дня Том, когда хотел поймать птицу, поступал в точности, как рысь: затаится на дереве и падает сверху на добычу. Чаще всего этот

способ приносил удачу, редко птица оказывалась проворнее его. Теперь Тому еды хватало. Вот с питьём было хуже: вода в жёлобе замёрзла. Но он и тут изловчился. Полизет лёд и утолит жажду.

Под самое Рождество приключилось нечто совсем удивительное. Том уже всяких зверей успел повидать — зайца и лису, лося и оленя, а возле реки как-то повстречался даже с выдрой. Долго они стояли и шипели друг на друга, вдруг выдра нырнула в лунку и исчезла. Том даже оторопел, не мог поверить своим глазам: ушла под лёд — и нету! Небывалое дело! После он часто приходил на это место, хотелось ещё раз посмотреть на странного зверя. Но выдра больше не показывалась.

А в этот день Том встретил в лесу... кота! Да-да, обыкновенного кота. Взъерошенного, тощего, не такого большого, как сам Том, но всё же похожего на него и его мать. Обычно Том всех зверей встречал шипением, а тут промолчал.

Шагнул ближе, ещё... Чужак фыркнул на него и стал пятиться. Ясно, драки не будет. Да Том не хотел вовсе драться со зверем, в котором узнал подобие самого себя. Мало того что заморыш, ещё и хромой, волочит заднюю лапу...

А с этим котом вот что было: два года назад его бросили на сетере хозяева. Они были не такие, как Пер и Лиза и их родители, они животных не любили. Кота привезли, только чтобы мыши в сарае не водились, не портили масло и сыр. Они так рассуждали: захочет вернуться с ними домой — хорошо, останется — горя мало; дома, в долине, ещё две кошки есть, к тому же с котятами. И уехали, ничуть не заботясь о судьбе своего Пелле. Он пристрастился бродить по лесу; в день переезда вернулся вечером на сетер, а там уже пусто, ни души.

Просто диво, как Пелле до сих пор жив остался. Сколько раз от лисы еле ноги уносил,

а однажды за ним коршун погнался. Совсем недавно опять лиса напала. Хорошо, успел на берёзу вскочить, и всё же задняя лапа, правая, пострадала от зубов разбойницы. Оторвать не оторвала, но царапнула крепко, а тут ещё морозы, и рана воспалилась.

У Пелле уже вторая зимовка началась. Измучился, бедняга, отощал, кожа да кости. Добытчик он был никудышный, за себя и то постоять не мог как следует.

Том смело подошёл к нему. Пелле окончательно оробел, даже не шипел больше. Они постояли, обнюхивая друг друга. Неожиданно Том замурлыкал, потёрся о беднягу боком, точно старого друга встретил. Пожалел он Пелле, стал ему рану зализывать, да так усердно, что тот едва на ногах устоял.

Немного погодя Том повернулся кругом и пошёл по тропе обратно. Домой пора! Как бы увести чужака с собой? Он оглянулся, мяукнул, точно говоря: «Пошли! Со мной тебе нечего бояться!» И чужак как будто понял его — медленно заковылял следом на трёх ногах. Хоть и трудно ему было поспевать, они в конце концов добрались до сетера.

Вечером на овчине, которую папа постелил для Тома, лежало двое; Том с края, чтобы охранять нового друга. То и дело он принимался лизать раненую ногу Пелле, а тот тихонечко мурлыкал.

С того дня два одичавших кота стали держаться вместе. Ведь и люди, коли трудно придётся, помогают друг другу. Том старался не оставлять гостя

надолго одного. Наловит мышей на сеновале и несёт в дом. Поедят вместе, потом идут к жёлобу. Зрелище небывалое: два одичавших кота, стоя рядом, облизывали ледяные натёки. Утолив жажду, возвращались в дом, где Том остался за хозяина.

* * *

— Папа, к Рождеству ты должен его привезти! — твердили Пер и Лиза. — Какой же это будет праздник без Тома!

Оба чуть не плакали от огорчения.

— Он же зябнет там в горах, — сказал Пер.

— И голодает, — подхватила Лиза.

Тревога за Тома всех угнетала. Ведь всё равно что член семьи был, а теперь вот на сетере, за много километров от людей. Небось одичал уже, к человеку близко не подойдёт. Сколько случаев известно: оставь кота в горах на несколько недель, непременно диким станет. А Том полгода людей не видал. Папа и мама огорчались не меньше детей. Такой славный кот и на тебе, в беду попал! Будто без него мало животных, которые беспричинно страдают. Пусть кот не корова, всё равно человек за него в ответе. Такое же живое существо, и уж коли взялся — пекись о нём как положено. Кто о животных не заботится, хорошим человеком не будет, неполноценный это человек.

— В крайнем случае, — сказал отец, — придётся ружьё с собой взять. Лучше застрелить Тома, чем обрекать на мучения и гибель.

Что тут было! Пер и Лиза из себя выходили, добивались от папы, чтобы дал слово ружья не брать, не убивать Тома!

— Не поймаешь сейчас — приманим летом, как на сетер приедем, — сказал Пер.

И оба дружно закричали:

— Только не убивай Тома, папа!

— Ладно, ладно, не стану, — успокоил их папа.

Разве ему самому этого хотелось? Он ведь почему предложил: Тома пожалел, понимать надо. Но дети не унимались, твердили своё: верни им кота домой к Рождеству, да и только. А разве это возможно?.. Папа обещал: он сходит на лыжах на сетер, но даже если посчастливится увидеть Тома, не приманишь его теперь. Небось дикий стал, всё равно как зверь лесной!

Как бы то ни было, обещал — надо идти. Накануне Рождества отец встал на лыжи и отправился в путь. И припасы захватил: бараний бок и бутылку молока. Пусть Том, коли жив, встречает праздник сытым! Лаз для него оставлен — если догадался использовать, хоть спит в тепле. Не должен такой сильный кот пропасть с голоду в горах, лишь бы его лиса не задушила. Ведь рассказывают же про котов, которые сами ходят на охоту и приносят добычу из леса! А Том и на кота не похож, такой здоровенный! Что ему стоит глухарку задавить. Пожалуй, с ним даже лиса не справится. Не всякий зверь померяется проворством с котом, в схватке он яростный и жестокий враг, его когти страшное

оружие. Словом, не сгинет Том, не пропадёт. А вот удастся ли приручить его опять — ещё вопрос. В этом вся беда. С того самого дня, как Тома забыли в горах, у всех душа не на месте... Заставили вот слово дать, что не застрелит кота, а ведь лучше бы сразу его прикончить — дикая жизнь хуже смерти.

* * *

Возле сетера отец увидел следы. Весь снег вдоль и поперёк исчертили, кое-где настоящие тропки протоптаны. От радости он чуть «ура» не закричал. Жив Том! Отец поспешил подъехать к дому: вдруг кот там — тогда закрыл лаз, и готово, не уйдёт. Как бы ни одичал Том, всё

равно справлюсь! Опасно? Ничего, лишь бы на Рождество кот был дома, у Пера и Лизы. Торопливо снимая лыжи подле крыльца, отец думал, что, если бы можно деньгами помочь, он бы любую цену дал – заполучить бы Тома домой. Ещё раз посмотрел: всё правильно, следы сходятся на дорожке, которая ведёт к лазу в двери. Теперь снять рюкзак, прикрыть им отверстие... Готово. И он рванул дверь, хотел вскочить внутрь и тотчас захлопнуть её за собой. Какое там! В тот же миг что-то юркнуло у него между ногами, какой-то зверь прыжком очутился на снегу. Так быстро это случилось, что отец не успел и рукой пошевелинуть. Зверь выбрался из сугроба – ну да, кот, но какой-то другой, не Том, вот те на! Небольшого росточка, грудь и живот белые, только спина чёрная. Опомнившись, отец позвал его: «Кис-кис-кис!» – и протянул руку к коту.

И тут он окончательно растерялся. Из сарая вышел... Том, сам Том! Огромный, чёрный, вдвое больше этого тощего котика! У отца даже голос пропал от неожиданности: стоит, смотрит и слова вымолвить не может. Запал было по глубокому снегу к меньшему коту, вдруг остановился, глядя на Тома. Точно только сейчас до него дошло, что это действительно Том, не привидение какое-нибудь.

– Том, Том, котище дорогой, Том, иди сюда!

У отца даже голос задрожал. «Неужто не поймёт, что я с добром? А?! Ведь дома Пер и Лиза так его ждут!»

А Том словно окаменел, лишь зрачки то расширяются, то сужаются.

Вдруг какое-то движение: это чужой кот бросился наутёк. Огромными скачками через снег к коровнику. Отец сразу приметил, что у того неладно с задней лапой.

— Бедняга! — вырвалось у него.

Тут и Том не выдержал. Присел, весь сжался — прыжок, ещё, догнал чужака, и вместе мимо коровника они припустились в лес.

С болью в сердце отец провожал их взглядом. Разок-другой окликнул ещё Тома, потом вошёл в дом, растопил печь, поставил воду для кофе... Ага, овчиной пользовались — на ней и вокруг неё кошачий волос. И то ладно, значит, Том нашёл

свою постель! А чужак, откуда бы он ни взялся, всё-таки друг, Тому не так одиноко. Вот и хорошо...

Уже давно домой пора, а отец всё ещё мешкал, всё надеялся, что Том покажется и можно будет его приманить. Но коты не появлялись, ни тот, ни другой. Ладно, хоть то утешение, что добрые вести привезёт. Том жив-здоров, сытый на вид. Есть приют, есть друг-товарищ. И выходит, пока рано надежду терять.

Отец достал большой нож и разрезал бараний бок. На полу возле печки положил куски мяса. Рядом блюдце поставил, налил молока. Другьям не придётся голодать в праздник!

Домой отец шёл не торопясь. Падали большие-большие снежинки, совсем побелили ему плечи.

Тихо в лесу, ни звука. Он задумался, и ноги шли сами, а руки сами взмахивали палками. Отец Пера и Лизы любил животных.

* * *

Вечером, уже в сумерках, коты осторожно подкрались к сетеру. Лучше быть начеку! Пелле давно успел позабыть человеческий голос: ведь у него никогда не было друзей – мальчика и девочки, которые заботились бы о нём. А с Томом что-то странное творилось:

и боязно, и в то же время что-то полузабытое родилось в памяти, когда отец так ласково звал его. Не пустись Пелле наутёк, он, может, и не побежал бы – такое приятное чувство вызвала в нём человеческая речь. Ему даже почудились ещё два далёких голоса, потоньше; ведь сколько раз его кликали Пер и Лиза... Только это он и помнил теперь, а как дети брали его на руки, гладили – забыл. Будто стена отгородила Тома от прошлых событий. Сегодня, когда отец его кликал: «Том, Том!» – в этой стене словно отворились ворота, но тут же снова захлопнулись, едва Пелле побежал. И теперь чем ближе

к двери, тем сильнее тревожился Том. Что, если в доме есть кто? Пахнет дымом...

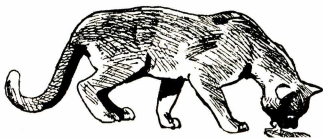
И боязно, и хочется, чтобы кто-нибудь был; вот ведь что странно. Оба кота замерли перед дверью, прислушались. Тишина. Юркнули в лаз, постояли перед второй дверью, но мясной дух был таким заманчивым, что они поспешили войти и стали уписывать жареную баранину. А после Том за молоко принялся, совсем как в былые времена. Пьёт, а сам нет-нет да поднимет голову — глядит во все стороны, прислушивается. Снова ему слышалось: «Том, Том!»

* * *

— Как там наш Том сегодня? — беспокоилась Лиза. — Неужели в лесу праздник встречает?

Только что кончился праздничный ужин, предстоял хоровод вокруг ёлки. Услышав, как хорошо Том устроился на сетере, Лиза и Пер обрадовались. Ничего, что папа не смог его поймать. Главное — Том жив и получил рождественское угощение. А летом они сумеют его приманить!

— Конечно, в доме! — ответил отец.

И мама добавила:

— Сегодня он вместе со своим другом вдоволь мяса поест, напьётся молока. Будет у них праздник не хуже, чем у нас!

Пер и Лиза улыбались. Кончились все тревоги, придёт пора — Том опять будет дома! Пер ничуть не сомневался в этом. Папа и мама согласились: мол, конечно, будет. Но озабоченные взгляды, которыми они обменялись, говорили иное. Ведь это почти невозможное дело приручить одичавшего кота...

* * *

Пелле совсем выздоровел, рана на задней лапе затянулась, чуть-чуть только прихрамывал. Весь день он вместе с Томом по лесу бродил, ни на миг с ним не разлучался. Том был атаманом, всегда шёл впереди. За его спиной Пелле чувствовал себя спокойно, ведь Том ничего не страшился, разве головой поведёт, если мелькнёт за деревьями рыжий лисий хвост. Поначалу-то Пелле вздрагивал и бросался на ближайшую сосну или берёзу. Но потом он заметил, что лисы не смеют на Тома нападать, и перестал так бояться. Ведь он на себе испытал силу друга, когда они дома затевали возню. Конечно, Том его шутя тузил, для потехи, да уж больно лапа тяжёлая, Пелле от его тумака кувырком летел.

А однажды Том встретил в лесу зверя, который оказался посильнее его...

В тот день друзья отправились на охоту. Оттепель и мелкий дождь съели почти весь первый снег, зато сверху застыла твёрдая корка, по которой коты могли идти не проваливаясь. Как всегда, впереди трусил Том; Пелле семенил следом, такой махонький рядом со своим рослым другом.

Вдруг на тропе перед ними — зверь. Как изпод земли вырос. Друзья остановились. Вот так чудовище! Роста невысокого и длиной не больше лисы. Зато какое грубое, плотное сложение, голова плоская, толстые, косматые лапы...

Выгнув спину, Том зашипел, даже в горле что-то заклокотало, и припал к снегу, сжался, а голову вперёд вытянул, и глаза его стали большими, жёлтыми. Пелле, стоя за ним, рыскал во все стороны взглядом, измерял расстояние до ближайшего дерева. Чувал он: надвигается грозная опасность. Хоть Пелле не видел прежде этого зверя, но чувствовал, что он пострашнее лисы. А Том, помня свою победу над лисой, изготовился к схватке. Глаза его стали ещё желтее, высунулись кривые когти...

До сих пор странный зверь стоял неподвижно, не сводя глаз с Тома. Вдруг тронулся с места и пошёл прямо на него. И походка-то необычная, скользящая, не то идёт, не то бежит.

Ближе, ближе...

Том точно врос в снег, глаза его метали искры.

А зверь словно не признавал никакой опасности, знай наступает, метя мехом снег. Он будто плыл, качаясь на толстых лапах.

Том напрягся... Прыжок!словно расправи-
лась стальная пружина! И взрыв — это когда
два зверя встретились. Закружились, заверте-
лись колесом по снегу в вихре клочьев шерсти!
А Пелле стрелой метнулся вверх по сосне.

Визг, вой, рычание...

Битва продолжалась — не разберёшь, где Том,
где зверь. И уже красные пятна на снегу. Вне-
запно один из противников вырвался из схватки
и взлетел в воздух. Том! Спасаясь бегством, он
ринулся в лес. Пелле — за ним, соскочив с де-
рева. А зверь встряхнулся и затрусил вдогонку
за котами. На плоской голове меж ушей алела
кровь.

Том и Пелле, не теряя времени, шмыгнули в свой лаз в двери. Когда зверь подоспел к сету, они сидели уже на чердаке. Зверь понюхал дверь, сунул плоскую голову в дыру, снова понюхал. Капельки крови падали с его морды на каменную плиту крыльца. Он не очень-то был расположен продолжать драку, да и не пролезть, великоват для такого лаза.

Зверь ещё постоял, нюхая и слизывая кровь с морды. Потом побежал прочь странной трусцой, метя мехом снег.

Росомаха — вот кто это был.

* * *

После схватки с росомахой — самым сильным и опасным из всех лесных хищников — Том и Пелле много дней не выходили из дома.

Длинная глубокая рана протянулась вдоль спины Тома. Он и Пелле попеременно зализывали её. Страшный коготь росомахи такой след оставил, что просто чудо, как Том выжил. Первые дни после боя он был совсем плох.

Когда же они наконец снова вышли на охоту, Том уже не был таким самоуверенным. Внимательно смотрел во все стороны: не покажется ли серый зверь с плоской головой и толстыми косматыми лапами. Зверь, который в десять раз хитрее лисы и в двадцать раз сильнее её. Не так уж велик ростом, а может убитого оленёнка и десять и двадцать километров тащить!..

Во время одной из своих вылазок в лес Том и Пелле заметили на большой сосне потешного зверька. Долго они глядели, как юркий комочек быстро скачет с ветки на ветку. Вдруг Том как сорвётся с места — и к сосне, и шорк, шорк когтями, вверх по стволу ринулся, раздирая кору. Держись, зверушка! Добрался до первого сука и запрыгал с ветки на ветку.

А белка (это она была) языком щёлкает, точно подбадривает его: «Давай! Давай!» Длинный бурый хвост лежит на ветке, так красиво распушился. Глаза Тома огнём пылали: сейчас я тебя! Вот уж совсем близко, одним прыжком достать можно, да больно густо ветки растут. Ничего, не уйдёт. Не знал наш Том, что за создание белка, до сих пор не встречал ни разу.

И вот уже осталось только лапу протянуть. Вдруг белка — прыг! Летит в воздухе, хвост метлой. Миг — она уже на другой ветке, гораздо выше, и опять языком прищёлкивает, точно дразнится. А почему ей и не подразнить кота? Она великолепно знала, что ему за ней никак не поспеть. Нет того зверя, который угнался бы за

белкой на дереве. Вот если она спустится вниз на землю, там лиса и другие хищники могут легко её схватить.

Том опять стал подкрадываться к проказнице. Рассердился, решил хитростью взять, двигался тихонечко. Какое там: в последний момент белка шмыгнула ещё выше. Сидит на ветке и так противно щёлкает, что Том от злости зубами застучал. Кто бы мог подумать, что такую малявку так трудно поймать! Он снова за ней — опять улизнула, едва он лапу занёс, чтобы схватить её. Быстро, как ветер, взбежала на самую макушку дерева, царапая кору маленькими коготками.

Ну хорошо же! Сильный и ловкий кот метнулся следом. На ходу прикинул взглядом: всё, попалась! Вверху ветки совсем короткие, никуда не денешься, один путь: вниз по стволу. И быть тебе у Тома в зубах!

Легко так, играючи, белка выскочила на конец самой верхней ветки. За ней! Том изогнулся для последнего, решающего прыжка. Рывок — длинное кошачье тело распласталось в воздухе, лапы вытянуты: схватить! И в тот же миг белка оторвалась от дерева, плавно, красиво пролетела, руля хвостом, и опустилась на соседней сосне.

Том упал на то самое место, откуда прыгнул, но тут ветка подалась под его тяжестью, и полетел он вниз, только в ушах засвистело. Десять метров летел, со всего маха — в снег! Выскочил из сугроба, уши, глаза, усы — всё снегом

облепило. А белка знай себе щёлкает на соседней сосне. И прыгает, словно пляшет, распушив свой хвост.

Том даже не стал глядеть на неё, до того был сконфужен. Весь сжался и побрёл домой на се-тер, сопровождаемый верным Пелле.

* * *

Зима в разгаре: дни короткие, ночи длинные, тёмные, трескучий мороз. Под студёно мерцающими звёздами звучит протяжный, голодный лисий вой; среди скал, покрытых натёками льда, жутким голосом ухает филин. С крутого горного склона доносится мяуканье рыси. Сидит голодная на седой сосне, посеребрённой морозом, дрожит от стужи, добычу подстерегает. В эту студёную, мрачную пору, кто мог, все под снегом

захоронились. Крупная дичь в лесной чаще укрылась: всё ж не так холодно. Чу! Опять рысий крик, хриплый, жестокий, и зайчишку под заснеженным кустом дрожь бьёт от страха.

Ох, не сладкая жизнь диким котам, когда нечего есть-пить!.. Худые дни наступили для сетерских жителей. Лягут на овчине, прильнут друг к другу, а кишки от голода

сводит. Хорошо ещё, оба привыкли, что раз на раз не приходится. Кое-как перебивались, нет-нет да попадётся какая-нибудь мышь. Если же совсем невмочь становилось, Том и Пелле шли в лес. Конечно, в такой мороз нелегко птицу рассмотреть, она уже не «купалась» в снегу, больше под густыми деревьями пряталась. Но Том новую хитрость освоил: обойдёт вокруг дерева и, коли приметит у самого ствола глухарку либо куропатку, вдруг прыгнет в просвет между ветвей, напугает птицу, она взлетит, забьётся в сучьях, тут её и лови! Потом вместе с Пелле по очереди волокут добычу домой. Одной глухарки хватало им на несколько дней. Дома уже весь пол был усыпан обглоданными косточками.

Пили как обычно — лизали лёд в замёрзшем жёлобе. А если выдастся день потеплее, подтает, удавалось и водички полакать.

Охотясь, Том и Пелле с каждым разом заходили дальше в горы. Возле сетера уже вся птица перевелась. Слишком беспокойно: ни в снегу, ни под деревьями нет спасения от котов. И вот лунными вечерами Том и Пелле шли вверх по речке, по льду, иногда сворачивая на берег.

До чего же красиво — река змеится точно серебряная лента, тут и там исчерченная зубчатыми тенями елей. И весело: на блестящем льду лапы поминутно разъезжались в разные стороны.

Однажды Том и Пелле забрели особенно далеко вверх по долине, попали в незнакомые места. Здесь по обе стороны реки было много сетеров.

В пустых коровниках друзья поймали несколько мышей. А на одном сетере пробрались через разбитое окно в дом и попиروвали жильцами, которых привлекли корки сыра и другие объедки. От внезапного нападения мыши растерялись, заметались по полу и одна за другой попались в лапы котам.

Через то же окно друзья выскочили наружу и продолжили своё путешествие по льду, по переливам лунного света. Но что это — какой-то необычный запах? Том и Пелле замерли, потянули носом воздух...

Запах принесло ветерком с берега, там стоял сетер, из трубы которого ещё струился дымок, хотя топили несколько часов назад. Том узнал запах, и опять в памяти его возродилось давно забытое. Словно кто-то окликнул его из бесконечной дали: «Том, кис-кис, Том, иди сюда!»

И он пошёл к сетеру, часто останавливаясь и ловя неслышные голоса: «Том, иди сюда, скорей, Том!»

Вот он уже на крыльце, стоит, прислушивается. В доме тишина, запах сильнее прежнего. Том вдохнул воздух с дымком и снова услышал зов: «Иди сюда, Том, кис-кис!»

Пелле сидел поодаль. Он ничего не слышал. Его этот запах только пугал.

* * *

Кто среди зимы обосновался на сетере? Охотник Туре, кто же ещё! Он любил надолго

забраться в горы; захватив с собой ружьё, капканы, силки, переходил с сетера на сетер и неделями домой не возвращался. Люди только дивились, как ему там не страшно одному. Гоняет на лыжах по буграм да по скалам, долго ли ногу сломать? А в горах, вдалеке от села и людей, перелом ноги — это же верная смерть! Соседи ему так и говорили: мол, не ходи в одиночку, пропадёшь. Да разве его урезонишь... Туре надеялся на себя и на свои силы, любил ходить сам по себе, без попутчиков.

А охотник он был славный, любому известно. Ни разу ещё не возвращался домой с пустыми руками, по птице бил влёт почти без промаха — конечно, если расстояние не слишком большое.

Издали, наудачу стрелять не любил, зря пороха не переводил. Туре вообще не жаловал расточительства. Еды брал с собой самую малость: несколько буханок хлеба, патоки немного, килограмм маргарина. Нередко случалось задержаться в горах дольше, чем было задумано. Кончится патока, кончится маргарин — ест сухой хлеб. А потом и хлеб весь выйдет. Ничего, Туре не пропадёт: зажарит на углях зайца или рябчика — вот и перебился.

Зато идёт домой с охоты — и птицу, и зайцев несёт. Раз даже росомаху добыл, хорошие деньги за неё выручил и отложил впрок. Люди говорили, у него уже немало накоплено.

Вдоль рек и речушек Туре капканы ставил на выдру. Шкурка выдры дорого стоила, а он, как зима, три-четыре шкурки добудет, это уж точно.

Сегодня он только под вечер с гор спустился, за день до того умаялся, что не стал даже капканами заниматься, наскоро перекусил — и спать.

Медленно, словно нехотя шли Том и Пелле прочь от сетера. Том на сей раз позади брёл, жалко было ему покидать место, которое вызвало такие добрые воспоминания из далёкого прошлого. Нет-нет, мотнёт головой, тихонько мяукнет. Совсем было от Пелле отстал, вдруг сорвался с места, налетел на друга и шутя цапнул его за ухо. Так у них обычно начинались дружеские потасовки. И вот уже оба кота покатались кубарем по серебристому льду...

А потом затрусили по речке домой. Разбегутся и едут по льду. Потеха! До самого дома продолжалась игра, весь лёд кошачьи следы исчертили. Только у своего сетера друзья свернули на берег. Спать пора.

* * *

Утром Туре, как только проснулся, достал из рюкзака два капкана и пошёл их ставить. Мимо сетера протекал маленький ручеёк. В том месте, где он впадал в реку, вода не замерзала зимой, и тут водилась выдра. Туре уже поймал двух. А чуть подальше от берега, на быстрине, тоже была полынья. И здесь охотник не раз примечал знакомые следы.

Вышел Туре на крыльцо да и замер на месте. Что за гости приходили ночью? На ступеньках две цепочки следов, один на кошачий похож, — но откуда в здешней глуши быть кошке? Второй след намного крупнее: рысий, чей же ещё! Да, но как это понять? Кошка и рысь вместе не ходят! А тут... Как ни смотри, один след кошачий, точно. Но ведь невозможно это, не может быть. Ладно, сперва капканы поставить, потом можно пройти по следу.

Туре насторожил капканы, но тут пошёл снег, и идти по следу уже не было смысла. Охотник вернулся на сетер и заварил кофе. Лучше отдохнуть сегодня, всё-таки вчера тяжело пришлось. Не один десяток километров отмахал,

выслеживая росوماху, совсем из сил выбился. Нелёгкое ведь это дело — росوماху преследовать: она такая бродяга, все горы исходит.

Целый день Туре отдыхал. Вечером снег прекратился, и перед сном охотник проверил капканы. Ничего, но следов в устье ручья множество — и старые, и совсем свежие. За ночь, глядишь, попадётся...

* * *

После снегопада установился трескучий мороз. Яркая луна освещала заснеженный лес леденящим мертвенным светом. Коты лежали в доме на овчине. Что-то тревожило Тома. Он вспоминал вчерашний вечер, запах дыма и человека. Нет-нет да и соскочит на пол, и ходит, мяукает. Пелле удивлённо смотрел на него сонными глазами. В конце концов Том вышел из дома. Как ни уютно на тёплой овчине, пришлось и Пелле за ним отправляться.

Он даже недовольно мяукнул в сенях. Вниз по откосу на речку. Лёд уже не блестел, как вчера, — снегом занесло. Лишь кое-где на открытых местах порошу смело ветром. Впрочем, снегу выпало не так уж много, и коты быстро шли вверх по реке к сетеру, где побывали накануне. Тома неодолимо влекло туда — ещё раз ощутить запах, который снился ему всю ночь. Во сне он слышал опять далёкие, чем-то знакомые голоса.

С каждым шагом росло нетерпение Тома, он бежал всё быстрее и быстрее. Пелле далеко отстал и никак не мог взять в толк, куда это их несёт в такую стужу. Лёд глухо трещал от сильного мороза.

Вот он, сетер... Том потянул воздух носом. Запах вчерашний! Он хотел пройти прямо к дому, но Пелле приметил на льду какое-то чёрное пятно. На белом отчётливо выделялось незамёрзшее устье ручья.

Том пошёл за Пелле; вспомнился почему-то странный зверь, виденный однажды на реке, тот самый, который прыгнул в воду – и под лёд, и пропал, больше не появлялся. Ни до этого, ни после Том не видел такого чуда. Может, теперь они снова его встретят, зверя того? Том предостерегающе заворчал. Мол, поосторожнее, Пелле, наскочишь на что-нибудь опасное.

Но Пелле и без того спрятался бы за Тома, если бы опасался зверя встретить. Он уловил запах рябчика, которого Туре положил для приманки на капкан. Вот и поспешил вперёд, не слушая предостережения друга.

Прыжок! Пелле схватил рябчика. Что-то щёлкнуло... Тишина. Почему так тихо? И почему Пелле не возвращается? Ведь на него никто не напал, и вообще никакие звери не показывались.

Прижимаясь к снегу, готовый в любой момент дать отпор, Том медленно приближался к чёрному пятну. Никакого движения. Вот и Пелле

лежит. Том осторожно понюхал друга. Почему он не двигается?..

Громко, испуганно Том мяукнул. Легонько укусил Пелле за шиворот, потормошил его — вставай, мол. Но Пелле оставался недвижим.

Том понял, в чём дело. Он сел и издал жалобный вопль... Долго выл. Встанет, обойдёт вокруг Пелле, дёрнет его и снова заплачет. Наконец повернулся к сетеру, вдохнул запах. Его больше не манило туда. Что-то подсказывало ему: есть связь между этим запахом и смертью Пелле... Вспомнилось то, что он успел совершенно забыть: мальчишки, которые чем-то так странно щёлкали, стук пули о ступеньку крыльца. Том замаяукал тоскливо-тоскливо.

В доме проснулся Туре. Что за звуки? Будто кот мяукает, только голос куда поглубже кошачьего. Уж не рысь ли? Должно быть, вернулись два вчерашних зверя. Охотник поднялся с лежанки и быстро прошёл к окну. Поглядел на устье ручья, где ставил первый капкан. Точно, сидит какой-то зверюга! Для кота велик, но и не рысь, коли лунный свет не обманывает.

Не рысь? Кто же тогда — ведь и не выдра, это он точно видит!

Туре наскоро оделся, взял ружьё и бесшумно вышел из дома. Далеко до цели, надо ближе подкрасться. Прижимаясь к стене, Туре обогнул угол; палец на курке. Зверь всё на том же месте! Охотник поднял ружьё...

Как раз в этот миг Том посмотрел в сторону сетера. Лунный свет блеснул на стволе ружья. Опасность! Кот огромными скачками ринулся вниз по реке.

И тут охотник Туре сделал такое, чего прежде никогда себе не позволял. Ведь видел, что расстояние велико, и всё-таки выстрелил. Конечно, рысь — дичь необычная, не часто встречается. Звук выстрела далеко прокатился надолдом и заглох в лесу за рекой.

Тома что-то словно погладило по спине. Но боли он не ощутил. Зато сильно испугался и побежал ещё быстрее. Стоя возле дома, Туре провожал его взглядом, пока Том не исчез в тених под ёлками. Охотник ещё постоял немного, наконец пошёл к ручью проверить капкан.

Что это? В капкане лежал кот. Кот! В горах, в глуши! Откуда? Не иначе хозяева оставили, уезжая с сетера. Такие случаи известны, а ведь это жестоко, очень жестоко! С болью в сердце охотник смотрел на беднягу. Погиб, не отведав добычи...

К дикому зверю у Туре не было жалости. Со всем другое дело домашние животные. Душа

у Туре добрая, в его доме всегда водились три-четыре кошки зараз, и он о них хорошо заботился. Соседи даже посмеивались: охотник заядлый, а бранит тех, кто топит котят. А где их всех держать, без конца ведь прибывают! У Туре ещё причина была: он считал, что убить кота дурная примета, не будет удачи в охоте. Вот и теперь он вспомнил эту примету и встревожился. Потом успокоил себя: не намеренно же. Так и карать его не за что. Суеверный он был, охотник Туре...

Завтра непременно надо будет выследить рысь. По пороше след ясный, только бы погода не испортилась. За рысь большую премию платят — ведь сколько овец режет, кровопийца!

Туре бережно поднял Пелле и отнёс к дому.

— Бедняга! — тихо сказал он.

В коровнике отыскал лопату и под навозной кучей вырыл могилку. Земля смёрзлась, будто камень стала, пришлось ему потрудиться. Могилу Туре выложил сеном, потом закидал землёй и сверху снегом присыпал. Стало легче на душе: как-никак укрыл кота от хищных зверей. И Туре пошёл варить себе кофе.

* * *

Рано утром началось преследование Тома. Охотник Туре поднялся чуть свет. Кажется, он теперь разгадал, почему первый раз увидел рядом кошачий и рысий следы: они в разное время

прошли. К капкану рысь тоже подходила, жаль, не попалась.

Задача нетрудная, на снегу след хорошо видно. Одно только сразу же смутило Туре: вверх по реке, ему навстречу, тоже тянулись рядом два следа! Словно вместе шли. А вниз один след возвращался, рысий. Теперь ошибки быть не может — не в разное время, а в одно те два следа появились. Но ведь он ночью ясно слышал, рысь кричала, ни у одного кота нет такого громкого и грубого голоса. Чудно...

И Туре зашагал по льду. Река петляла, извивалась, но след шёл прямо, срезая все изгибы. Зато два встречных следа вместе петляли вверх по реке. Вместе. Да возможно ли это? Разве бывает такая дружба? Неужто ночью рысь потому кричала, что кот попал в капкан?

Ага, одиночный след свернул со льда на берег. Вверх по склону... К сетеру... Не иначе зверь где-нибудь в засаде залёг. Скорей всего на дереве. Туре даже оробел слегка.

Правда, он ещё ни разу не слышал, чтобы рысь нападала на человека, и всё-таки оторопь брала от мысли, что зверь лежит где-то на суку прямо над тропкой. Впрочем, пока след тут — вот он на снегу, — можно не опасаться.

Туре быстро одолел склон. Уже на луг вышел, но след всё вперёд уходит! Прямо к дому... А на лугу-то сплошная сетка следов — тут тебе и кошачьи и рысьи попеременно. Охотник наконец опешил: выходит-таки, что два зверя дружили

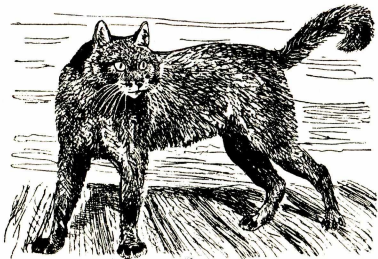
между собой! Гляди-ка, к самой двери дорожка ведёт...

Но ещё больше удивился Туре, когда взошёл на крыльцо: следы через лаз уходили внутрь дома! И рысь там сейчас, об этом ясно говорит самый свежий след, за которым он шёл сегодня.

Так. Что же делать теперь? Никогда ещё охотник Туре не слышал ничего подобного — чтобы рысь в доме жила! Дверь заперта. Взламывать неловко, не свой дом. Да и опасно: зверь небось только того и дожидается, сразу сомнёт. Лучше не торопиться. Туре стукнул ногой в дверь и шагнул в сторону. Щёлкнул предохранитель, ружьё наготове!

Но никто не вышел из лаза. Притаившись на полатах, Том слушал, что происходит внизу. Пока там есть кто-то, его не выманишь из дома!

Шум прекратился. Том соскочил на кровать, повернулся к окну... и встретился взглядом с человеком, который, стоя снаружи, глядел на него! Это Туре хотел проверить, нельзя ли через окно высмотреть рысь. Том, как увидел его, съёжился, зашипел, засверкал глазами. А Туре из-под ладони, как из-под козырька, разглядел на кровати огромного сердитого чёрного кота! У него даже холодок по спине пробежал. Что-то не так... Кот! Не рысь, а кот! Совершенно точно: во-первых, рысь не бывает чёрной, и вообще, уж настолько-то он разбирается в животных, чтобы кота от рыси отличить. Кот? Да разве бывают на свете такие огромные коты?

Туре попятился от окна. Вспомнилась рыба, которую он выловил в горном озере летом. Какие у неё были странные глаза – словно прямо в душу Туре глядели. А когда стал он её с крючка снимать, так она вскрикнула! Да-да, вскрикнула! Бросил он её обратно в озеро, собрал свои удочки и дал стрекача.

Теперь охотник Туре те места далеко обходит, его силком не заставишь ловить рыбу в том озере.

И сейчас вот, нате вам, что за зверь попался: кот – и не кот! Нет уж, увольте! Это же ясно, нечистая сила в дом забралась. Подхватил Туре свой рюкзак – и бегом, через луг. Бежит, а сам нет-нет да оглянется: не догоняет?

Почти до самого того дома бежал, где свою ночёвку устроил. И увидел в капкане выдру! Лежит замертво, вцепившись зубами в рябчика. Туре поднял её, проверил мех. Первый сорт! Двести крон, не меньше дадут.

Он понёс выдру в сетер, не думая о том, что и она погибла, не отведав добычи. Иные мысли занимали Туре, мысли о том, с кем он утром встретился. Заколдованный кот! А ведь он по нему стрелял ночью... Ну как накажет его нечистая сила!..

Так Том снова стал одиноким. Он очень скучал по своему товарищу, целыми днями бродил вокруг дома и мяукал. Пелле стоял у него перед

глазами такой, каким он его видел на снегу в устье ручья: недвижимый, мёртвый.

Но Том не мог поверить, что Пелле пропал навсегда. Он звал друга, искал его на сеновале, в коровнике, в лесу. Иной раз до самого вечера бродил среди деревьев. Никто не отвечал ему, только хлопали крыльями птицы, спасаясь от кота.

Том сильно похудел. Охотился совсем мало. Поймает мышь — и сыт.

* * *

Но солнце поднималось всё выше в небе, дни прибавлялись, становились светлее; и наступила пора, когда Том опять ожил и стал выходить на добычу. Не одна глухарка, не один рябчик попались в его когти в сугробах да под деревьями!

Том почти забыл Пелле: всё-таки их дружба длилась не так уж долго. Бывало, конечно, друг являлся ему во сне, как снились в начале осени Лиза и Пер, папа и мама. Теперь он их почти совсем не вспоминал.

Приснится ему Пелле, так Том даже мяукает от радости. А откроет глаза — никого. Ступай один на охоту в лес...

* * *

Вот уж и снег начал таять на буграх да на откосах. Солнце ярко светило с чистого неба, никак не хотело пускать под деревья голубые

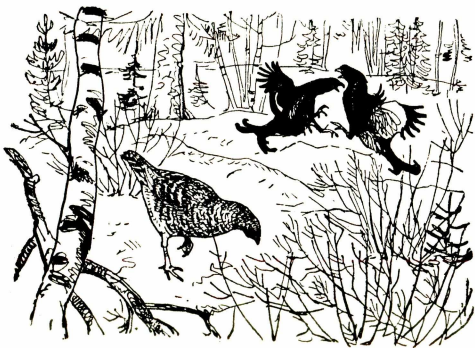

вечерние сумерки. С южной и с восточной стороны на крутых склонах проталины окружили камни и корни. Вечером отовсюду плывут в воздухе шорох и шум — предвестье весны, против которой ни снегу, ни льду не устоять.

Но другой звук занимал Тома. Он прилетел из леса однажды под вечер, когда Том, сидя на крыльце, нежился на солнышке. Так уютно: камень за день нагреется, тепло и снизу и сверху. Чу!.. Том насторожил уши, прислушался.

«Ччуфы! Ччуфы! Ччуфышш!» — доносилось из леса, совсем близко, где-то за коровником.

Том бесшумно, чуть не ползком, стал красться на звук. Что там такое? По тонкому слою

льда — всё, что осталось от зимнего снега, — он подбирался ближе, ближе...

Между двух высоких сосен оголилась земля, и здесь-то он увидел, кто «чуфыкал». В сторонке маленькими шажками прохаживалась тетёрка, а два тетерева ярились, стоя друг против друга. Это один из них «чуфыкал», на его-то зов и пришла тетёрка.

Откуда ни возьмись, прилетел, шумя крыльями, на ток второй косач. Первый хотел его прогнать и встретил отпор. И стоят — шеи раздуты, перья взъерошены, брови от злости как огонь горят. А теперь схватились! Пух полетел во все стороны, и в горле у противников что-то булькало, рокотало...

Вот так схватка! Том даже оробел слегка. Расширившимися зрачками следил он за поединком, голова, как маятник, качалась из стороны в сторону.

Снова и снова тетерева насакивали друг на друга, били клювами, били шпорами, вырывая у противника перья. Разойдутся, отступят на шаг-другой — и снова в бой! Уже всё кругом перьями обсыпано. Нет-нет да и упадёт на вереск яркая капля крови.

А тетёрка, будто и не замечая бойцов, знай прогуливается взад-вперёд перед самой мордой Тома — ничего не стоит схватить её. Но кот не помышлял об охоте, он был всецело поглощён небывалым зрелищем. Такой потехи и такого дива он ещё не видал!

Вот второй косач стал сдавать, кровь струится из брови на синие перья. Куда спесь девалась: бежит, спасается и словно даже меньше ростом стал.

А противник не унимается, преследует, только вереск шуршит. Победённый косач тяжело оторвался от земли и над голубыми сугробами неуклюже полетел прочь, оглушённый.

Распушив перья, опьянённый победой, тетерев побежал к тетёрке, и в горле у него всё время словно что-то переливалось.

Том сам не мог понять, как это вышло, но вдруг у него вырвалось громкое «мяу!» — так сильно он увлёкся поединком. Он даже вздрогнул от собственного голоса. А птицы? Они сразу

насторожились, потом взлетели и скрылись за густыми соснами.

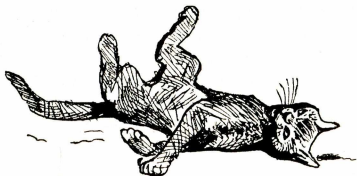
Том только проводил их взглядом из засады, щурясь и стуча зубами.

* * *

Подошла пора, когда луга совсем очистились от снега. И сразу Тому стало легче жить. Он прилежно охотился, ловил возле норок шустрых мышей и кротов. Столько добычи было, что он не успевал всего поедать. В жёлобе весело журчала вода. Том много раз в день ходил на камни возле жёлоба напиться. А вечером его ждала мягкая постель на тёплой овчине.

В погожие дни Том утром выходил на крыльцо понежиться на солнышке. Про выстрел он давно забыл, забыл, как щёлкнула пуля о камень совсем рядом с ним...

Солнечные лучи быстро нагревали каменную плиту. Ляжет Том, вытянется во весь рост, и перекачивается с боку на бок, и мурлыкает — совсем как дома, когда его гладили Пер и Лиза.

Удивительно, в глубоких тайниках его памяти ещё сохранился их образ. До сих пор он иногда просыпался ночью от того, что ему чудились далёкие голоса: «Том, Том, кис-кис, иди сюда, Том!»

* * *

Зазеленели склоны долин. С утра до вечера пели неугомонные ручьи. По ночам они звучали глуше, будто тихая музыка доносилась издалека. Снег растаял, только в ущельях на склонах самых высоких вершин ещё остались почерневшие снежные языки. В тёплые вечера долину поливал ласковый дождь. А днём опять ясно, и яркое солнце золотит прошлогоднюю стерню, голубит редкую зелень новых ростков.

Пер и Лиза радовались: скоро на сетер опять. Никогда ещё они не ждали переезда с таким нетерпением и волнением.

С утра до вечера только о Томе речь шла. Как ему там живётся? Не ушёл ли он с сетера? Досыта ли ест?

Папа и мама отвечали, как могли. Дескать, за Тома беспокоиться не надо, он теперь охотник первостатейный. А сами, по чести говоря, тоже тревожились. Мало ли что могло приключиться?.. Выжить-то он, может быть, и выжил, да ведь одичал, наверно, и след его давно простыл, на сетер не вернётся. Папа и мама не меньше детей волновались. Вон как Пер и Лиза

радуются скорому свиданию — верят, что Том их встретит и всё будет по-прежнему. А только вряд ли Том вернётся домой, в долину. Так, верно, дикарём и останется.

Мама уж стала исподволь готовить ребят к тому, что придётся, быть может, совсем проститься с Томом. С прошлого года кошка дважды приносила котят, и мама отбирала самых красивых, предлагала Перу и Лизе вырастить их. Какое там! Дети и слышать не хотели об этом. Пусть соседи котят забирают.

— Нам, кроме Тома, никого не нужно! — говорили они.

Мама сказала, что Том, пожалуй, давно из тех мест ушёл. Дети — в слёзы, и пришлось их утешать: никуда-то он не делся, сразу объявится, как только они приедут. Уж подойдёт на зов-то! Эти мамины слова обрадовали, обнадежили Пера и Лизу, они снова с нетерпением стали ждать переезда на сетер.

* * *

Весна.

День ли, вечер — звучат в горах птичьи концерты. На вершинах, на лесистых склонах — звонкое разноголосое щебетание, порхают взад-вперёд прилежные пичуги, собирая веточки для гнёзд. Чуть тронулись зеленью берёзовые рощи, в которых, едва начнёт смеркаться, чисто и ясно звучит посвист певчего дрозда. Река

давно взломала лёд и теперь, по-весеннему буйная и искристая, легко прыгала вниз по уступам, по каменным плитам. Быстрокрылые ржанки молнией проносились вдоль берегов, громко, возбуждённо свистя.

Тому нравилось рыскать по лесу. Столько нового и для глаза, и для уха! Но на душе было то-скливо. Жизнь кипит, бурлит, а он один-одинёшенек, не с кем дружбу водить. Все обращались в бегство при виде его. Птицы, на ветках ли, на земле ли, улетали. Заяц сломя голову удирает. Даже лиса норовила обойти его стороной.

Всё дальше и дальше уходил Том, спасаясь от одиночества; ему хотелось кого-нибудь встретить, никогда ещё он так не скучал.

Том стал даже ночевать в лесу. Погода тёплая, овчина уже не нужна. И забрался он в неведомые, незнакомые места. Совсем в дикого зверя превратился — где угодно прокорм найдёт, с кем угодно силами померяется.

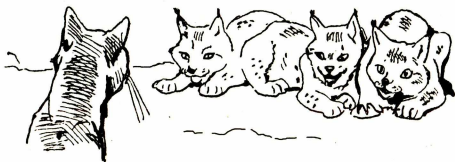
Вот и в то утро, о котором речь пойдёт, Том выследил глухарку. Да помешкал немного, поздно прыгнул, и одни лишь перья ему достались. А глухарка взлетела, с шумом пронеслась над склоном и села на дерево поодаль. Том длинными, упругими шагами пошёл за ней.

Лесок сменился осыпью. Том запрыгал с камня на камень, иногда пропадая в кустах и жухлом прошлогоднем папоротнике. Взгляд его был прикован к сосне, на которой укрылась глухарка.

Вдруг странный звук донёсся сверху. Том замер на месте, прислушался. Похоже, словно кот мяукает! Прислушался снова: ну да — «мяу! мяу!». Забыв про глухарку, Том ринулся вверх по склону, огибая торчащие корни и бурелом. Неожиданно его взгляду открылось нечто вроде полки под нависшей скалой. Перед полкой — площадка, усыпанная сухой жёлтой хвоей и прочим мусором, а в углублении под скалой что-то шевелится... Том громко мяукнул. И тотчас появились кошки, голос которых он слышал. Три пятнистые кошки, всем складом очень похожие на него, только ростом гораздо меньше. И уши странные. С кисточками наверху. Откуда же ему было знать, что это детёныши рыси?..

Том застал их в разгар игры: рысята совсем как котята играют, затевают весёлую потасовку. От игры и до драки недолго, кто-то кого-то больно куснул, вот и мяукали.

Рысята удивлённо смотрели на кота, он — на них. Длинный хвост Тома беспокойно дёргался. Том не сердился, просто ему хотелось поиграть с невиданными кошками. Он присел и мяукнул, приглашая их подойти ближе. Рысята подошли, осторожно обнюхали его — не опасно? Кот, в свою очередь, понюхал их, и вдруг сильная чёрная лапа, метнувшись вперёд, выдала одному рысёнку такого тумака, что тот упал. А Том уже отскочил в сторону, стоит и озорно поблёскивает глазами. Малыш испуганно взвизгнул, два других рысёнка попятились и зашипели на кота. Он миролюбиво мяукнул в ответ и лёг.

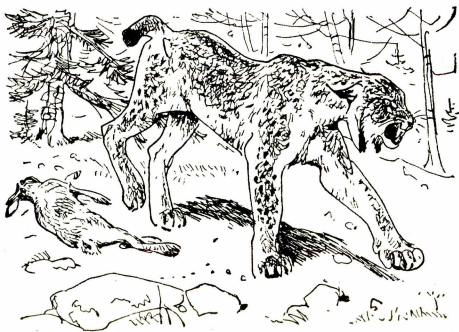
У животных, как у людей, есть свой язык, и рысята поняли Тома, поняли, что он не желает им зла. Опять обступили кота; теперь он позволил им вскарабкаться на себя. Тому было очень

приятно чувствовать прикосновение маленьких лапок. Мяу! Он покатился по камню вместе с малышами. И пошла тут возня на полке над осыпью! Том передними лапами тузил наступающих рысят, они падали, пищали и нападали снова. Мало-помалу игра стала грубой: то укусят, то больно царапнут.

Том насторожился: с этими кошками держи ухо остро, вон какие напористые! Он не оставался в долгу, рычал и кусался по-настоящему. Даже когти пустил в ход; сперва-то он их прятал. Теперь уже рысята отскакивали в сторону и громко жаловались. Обида копилась нешуточная, они шипели, рычали, нападали всё коварнее, кусались всё больнее. Уж и не поймёшь — игра или драка? Том едва успевал отбиваться, и глаза его горели сердитым жёлтым огнём.

Чёрный кот разозлился не на шутку, и, когда один рысёнок, неожиданно подпрыгнув сбоку, цапнул его за загривок, Том молниеносно повернулся и впился зубами в горло противника. Рысёнок раз-другой дёрнулся и замер. Остальные двое, взвизгивая, забились под скалу — только видно, как глаза светятся в темноте. Том глухо и зловеще зарычал, стал бить землю хвостом.

Рысь ушла с утра на охоту. Детёныши без конца просили есть, она едва попевала им носить. Нередко бывало так, что схватит мышь-другую, и вся добыча. Но на этот раз ей повезло, целого зайца домой несла. От скудной пищи рысь отощала, шерсть висела клочьями.

Но что за звуки? Мяуканье, визг... Это рысята, а это кто? Голос чужой. Что же там произошло?

Она припустилась бегом, но зайца не бросила, и его длинные задние ноги колотили её по боку.

Только увидя Тома, рысь выпустила добычу. И Том сперва заметил упавшего на землю зайца, а уж потом его глаза встретились с рысьими. Она вся напряглась, готовясь к прыжку. Тихое злобное шипение вырывалось из её пасти, которая растянулась, оскалившись, почти до ушей. Том подпрыгнул и выгнул спину дугой. Потом припал к земле, словно врос в неё, и глухо-глухо зарычал. Почувяв, что вернулась мать, выглянули

из своего убежища рысята, но бежать к ней не решились: чёрный зверь преграждал им путь.

Холодная ярость и беспощадная жестокость воплотились во всём облике рыси. Безжалостные глаза грозно смотрели в упор на Тома, косматые уши сами прижимались к голове, когда из пасти вырывалось злое шипение. Вдруг рысь присела на задних лапах и прыгнула вперёд.

Том встретил нападение, обуреваемый ничуть не меньшей яростью. Игривое настроение давно прошло, кот стал бойцом. И оба зверя с жутким воем покатались кубарем по площадке.

Они были почти равны ростом и весом, и всё-таки Тома ждало неминуемое поражение в схватке с огромной кошкой, которая превосходила его

и силой и дикостью, унаследованной от хищных предков. Заслышав в лесу мяуканье этой кошки, олени и косули в ужасе обращаются в бегство; даже король лесов лось предпочитает уйти по-дальше...

Рысята отважились наконец оставить своё убежище. Они тоже мяукали, и на осыпи такой вой поднялся, что издали слышно. Вот детёныши попытались приблизиться к сражающимся, но тут же в испуге отпрянули. Рысь и Том разошлись, готовясь к новому прыжку... Уже снова схватились! И опять над склоном разнёсся яростный вой.

Том отбивался когтями и зубами, и до сих пор ему удавалось увернуться от грозных клыков противника.

Внезапно страшная боль пронизала одно ухо — рысь чуть его не оторвала. Том отчаянно взвыл, вырвался, подпрыгнул высоко в воздух и приземлился на осыпи, прямо на камнях. Ещё прыжок, ещё... Кот прыжками мчался вниз по осыпи, рысь провожала его взглядом. Оглушённая схваткой, она не преследовала противника. Отряхнулась, слизнула кровь с морды. Глубокие царапины исполосовали её шкуру.

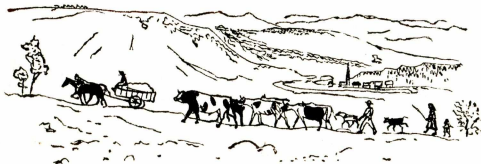
Вдруг рысь заметила мёртвого детёныша. Раздался протяжный, жалобный вой — жуткий, тоскливый звук, который далеко прокатился по лесу. Рысь принялась облизывать убитого детёныша, а двое рысят нетерпеливо рвали зайца, добытого матерью.

Пер и Лиза не давали покоя маме и папе.

— Ну почему нельзя переехать сегодня? — твердили они каждый день.

И кончилось тем, что стали собираться в путь раньше обычного. «Пожалуй, ничего страшного», — заключил отец, — погода хорошая, тепло. В крайнем случае можно будет укрыть скот в коровнике, сено в запасе есть, для того и скошено, возить в долину такую малость смысла нет. Конечно, весной погода переменчивая, ещё может и похолодать, чего доброго снег выпадет, вот и сгодится припасённое сено».

Солнечным днём выехали со двора. Запрыгала по рытвинам тяжело нагруженная подвода, на которой сидел Пер. Мама, папа и Лиза шли позади, подгоняя скотину. Озорные шустрые телята так и норовили удрать. Тут нужен глаз да глаз, не то потом как их соберёшь! Впрочем, попрыгав да приустав, телята уgomонились и послушно затрусили гуськом за коровами.

Полчища мух и слепней провожали стадо и подводу через лес.

К полудню добрались до знакомых лугов. Здравствуй, сетер, вот и свиделись опять! Всюду уже пробилась трава, белоствольные берёзки вокруг дома кутались в свежий зелёный убор. Тихий ветерок пробежал по макушкам деревьев, когда отец отворил ворота в ограде — пропустить подводу.

Отец занялся лошадью, а Пер и Лиза со всех ног побежали к дому. Неужели сейчас Тома увидят?

Перед дверью они остановились, позвали:

— Том, Том, иди сюда! Том, кис-кис, мы приехали к тебе. Том! Том!

Никакого ответа. Сиротливая тишина царила в сетере. Подошёл отец, отпер дверь, и дети ворвались в сени. Может, Том в своей постели, на овчине лежит?

Но и здесь разочарование. Нету Тома. Только горка обглоданных косточек на полу да две-тридохлых мыши.

Отец сказал:

— Совсем недавно был! Видите: мыши лежат ещё. Значит, и Том где-нибудь поблизости.

От радости Пер и Лиза запрыгали. Здесь он, на сеновале, может, или в коровнике! Выскочили из дома — и в сарай, весь сеновал обыскали. Нету... И на зов не откликается. Они в коровник, но и тут кота не оказалось.

Дети вернулись в дом обескураженные. Мама уже сварила кофе, накрыла на стол.

– Ну-ка, садитесь, поешьте, – позвала она.

Пер и Лиза молча сели за стол. У них вдруг совершенно пропала охота есть, хотя по пути на сетер они через каждые две минуты жаловались на голод.

– Ешьте и не вешайте носа! – подбодрил папа, понимая, что творится на душе у ребят. – Неужели вы думали, Том на первый же зов явится? Вон какая погода славная, да мало ли куда он забрёл. Ещё придёт, вот увидите.

И когда вечерняя тень накрыла долину и реку, Пер и Лиза сидели на крыльце, поджидая Тома. Какую встречу ему приготовили! Конец долгой зиме, холоду и одиночеству. А сколько сливков припасли – пей вволю. Ничего для него не пожалеют. Пер и Лиза размечтались и совсем примолкли.

Выглянула мама:

– Не продрогнете?

Возвратясь в комнату, она сказала отцу:

– Хоть бы вернулся Том, неужто пропал...

Отец кивнул: действительно, хотя бы показался, чтобы дети знали, что он жив.

Но время шло, а Том не появлялся. Мама вышла на крыльцо. Постояв, заговорила:

– А воздух-то какой сырой! Ну-ка, пойдите оденьтесь потеплее, не то простынете, даром что весна.

Ох как не хотелось уходить с крыльца...

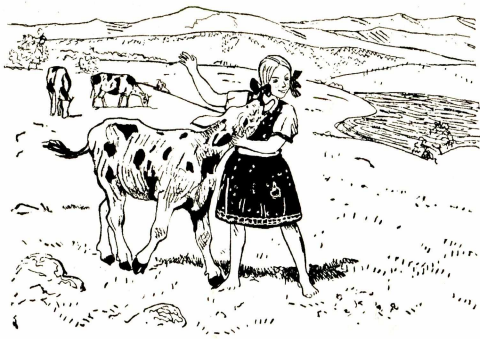
Папа встретил их пристальным взглядом.

– Да вы поймите, дети, – молвил он наконец, – не так это просто! Не придёт он так сразу,

отвык ведь от людей. Первое время, конечно, будет хорониться. Одевайтесь-ка да ступайте гулять — поиграйте, согрейтесь!

Пер и Лиза не любили перечить папе и маме. Но игра не ладилась. Прежде, бывало, их в первые дни так и манило забраться на сеновал, облазить коровник. А теперь никакого настроения...

Сбегали на луг, нашли игрушечных коров, которые с прошлого года остались, починили свой «загон». Оттуда зашли в коровник. Пер и Лиза любили войти в стойло к скотине и ласково поговорить с ней. И коровы радовались им — никак не хотели потом отпускать, мычали, когда дети уходили домой. У Пера и Лизы было по телёнку, которых они сами растили. С ними

всегда шёл особенно длинный разговор. Телята по-своему выражали радость: норовили облизать своих друзей.

Кончился первый день на сетере. Пер и Лиза забрались каждый в свою кровать и тотчас уснули. Устали всё-таки.

* * *

Том возвращался вниз по долине, по берегу знакомой реки, которая уже столько раз была ему проводником. За эти дни он успел уйти далеко от сетера, так далеко, что теперь и не знал даже, где его дом. Шёл медленно, не искал ни мышей, ни иной добычи: после схватки с рысью Том хворал.

На нём не было живого места, но особенно докучало ухо. Оторванное почти напрочь, оно болталось лоскутом, причиняя мучительную боль. Идёт, бедняга, и мяукает так жалобно... Сейчас бы на овчине отлежаться, но где сетер? Неизвестно. Всё вокруг чуждо и незнакомо. Тому было невдомёк, что река приведёт его к дому.

Наступил вечер. Возле нагретого солнцем камня Том свернулся калачиком. Сперва не мог уснуть от боли, наконец задремал, постанывая во сне. Ему виделись давно забытые картины. Звенел колокольчик, мычала корова... И откуда-то голос: «Том, кис-кис, Том, иди сюда!»

Том сучил лапами, бежал во сне на звук колокольчика, на голос... Скорей, скорей туда!

Утром его разбудило солнце. Том сонно поглядел вокруг и внезапно вздрогнул, вспомнив вчерашнее. Не гонится за ним огромная кошка?

Сон сразу прошёл, и Том вспомнил, что от того злополучного места успел далеко уйти. Болела исцарапанная морда, всё тело ныло, и ухо болталось по-прежнему. Том снова двинулся в путь — искать свой сетер, уютную постель.

Ноги плохо слушались его, в глазах мутилось от боли, а тут ещё это ухо... Том дёрнул головой, пытаясь схватить его зубами, но не смог дотянуться.

Так и шёл он вдоль реки весь день, до самого вечера, когда от вершин снова протянулись длинные тени. Тогда он нашёл удобное место и лёг. Но в эту ночь ему не пришлось уснуть. Понемногу боль отступала, и Том вдруг остро ощутил голод.

Кончилось тем, что он встал и пошёл выслеживать мышей среди кочек и кустов. Двух поймал и съел, напился из речки да и пошёл дальше вниз по бережку, спугивая ржанок, у которых сейчас главная забота была гнездо и яйца. Свист встревоженных птиц словно подгонял Тома. Вперёд, вперёд!

Вот уже новый день занялся над горами на востоке. Огненные мечи пронизали макушки могучих сосен, и навстречу солнцу поднимался из леса звонкий птичий щебет.

А река всё дальше торопится — петля за петлёй, петля за петлёй. Течение подмывало берега,

и местами получились заводи. Возле одной из них Том остановился: в реке взад-вперёд сновала рыба! Кот даже облизнулся и огорчённо замяукал. Вот она, еда, да как её взять? Попытался лапой поддеть — бережно так, уж больно вода холодная... Какое там, рыба тотчас ушла. Будто и не было никого в заводи.

Целый день Том шёл почти без передышки. Опять солнце коснулось гребней на западе. Словно птичья стая, окружали его багровые облака. Чистые трели певчего дрозда звучали в тишине над склонами, наполняя всю долину звонкой музыкой.

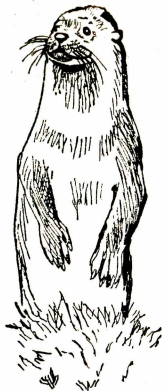
В светлом, ещё трепещущем красными переливками небе высоко-высоко чернела какая-то точка. Вдруг тронулась с места и поплыла кругами, становясь всё больше, больше... Орёл высматривает добычу с вышины! Приметил: в реке возле переката ходит крупная рыба. На миг замер в воздухе — и, сложив крылья, камнем вниз!

Том без устали шёл вперёд вдоль берега через камни и корни, сквозь кусты и высокий вереск. Лес расступился, открылась большая прогалина. Стоя на опушке, кот огляделся вокруг: что-то знакомое... Ну конечно: тот сетер, где Пелле остался лежать на льду, где Том, убегая вниз по реке, услышал страшный щелчок, и словно ветер взъерошил ему шерсть на спине. Непонятная сила влекла его к месту гибели Пелле, и Том направился к устью ручья. Бурный поток

мутной струёй врывался в реку, которая здесь круто поворачивала.

Кот поглядел на ручей, на сетер, опасливо принюхался. Но теперь из дома ничем не пахло. Успокоенный, он подошёл к воде. Может, Пелле и сейчас где-нибудь тут?

Вдруг чья-то голова выглянула из-за кочки на берегу. Нет, это не Пелле! Том вздрогнул, зашипел, и выдра — это была она — тоже вздрогнула. Мгновение она глядела на кота, потом исчезла. Второй раз в жизни Том увидел, как зверь прыгает в реку и скрывается под водой.

Нет его! Только пузырьки лопаются на поверхности. Внезапно вдали от берега он заметил какое-то движение. Так вот в чём дело: зверь плывёт через реку на ту сторону! Вот выбрался на берег и пропал в кустах. Кот постоял: может, появится ещё? Он ждал просто так, из любопытства, ему совсем не хотелось ни с кем драться. Он до сих пор был весь словно разбитый, и надорванное ухо болталось, как лоскут.

Зато теперь его окружали знакомые места. Том

даже побежал, мяукая на ходу. Ему не терпелось поскорей очутиться в своей постели, отдохнуть как следует после всего — после долгого путешествия в лесу и страшного боя на осыпи.

Был уже поздний вечер, когда Том свернул и затрусил вверх по склону к своему сетеру. Скорее, скорее домой! Вот и луг. Том побежал к сараю: сперва напиться в жёлобе, потом можно идти спать.

Но что это? Что за запах? Том потянул воздух носом. Пахнет со стороны сетера: без него там появилось что-то новое!

Он подкрался, таясь, к сараю, напился, оттуда осторожно пошёл к крыльцу. На ступеньке постоял, прислушиваясь.

Какие-то звуки... И запах из лаза... Том оторопел. Даже немного боязно стало. Он сел, тихонько мяукнул. Вспомнились вчерашний сон и далёкие голоса: «Том, кис-кис, иди сюда!»

Кот снова мяукнул, готовый бежать на зов, — знать бы только, откуда зовут...

Внезапно он насторожился и встал. Из коровника донёсся певучий звон колокольчика. Но ведь и этот звук из его сна! Том, крадучись, подошёл к коровнику и замер перед дверью.

Коровы шумно жевали свою жвачку, и вместе с тёплым воздухом плыл такой вкусный дух. Том принюхался — до чего же знакомый запах... Вдруг всё встало на место. Вдруг возродилась в памяти полная картина всего того, что было: голоса и зов, коровье мычание и парное молоко, и рыба...

Громкое жалобное мяуканье вырвалось у Тома. Коровы беспокойно зашевелились в стойлах, и он стремглав метнулся в окутанный весенним сумраком лес.

* * *

Это произошло утром. Мама, Лиза и Пер вышли из коровника, вдруг Лиза замерла на месте.

— Том! — крикнула она. — Том! — Она показала рукой маме и Перу, которые удивлённо глядели на неё. — Том!

Пер проследил за её пальцем и на опушке леса увидел Тома. Кот недоверчиво, настороженно смотрел на них, прячась за кочкой. Мама поставила на землю подойники с молоком, она не верила собственным глазам.

— Мама! — закричал Пер. — Видишь, вернулся Том! Том вернулся!

Дети протянули руки вперёд:

— Том, Том, иди сюда, Том, иди к нам!

И они пошли к нему, маня руками и голосом.

Том пока не двигался с места, только весь напрягся... Вдруг высоко подпрыгнул и метнулся прочь. Миг — и скрылся среди деревьев.

Пер и Лиза плача вернулись к маме, от мамы побежали к папе.

— Мы видели Тома! — закричали они ещё в сенях.

Папа вышел к ним навстречу, чтобы расспросить, как это было. Подросла мама, оставила подойники и обняла Лизу, утешая её. А папа привлёк к себе Пера.

— Ну вот, видели Тома, — говорил он шутливо, — а сами плачете... Да тут разве плакать надо? Я бы на вашем месте радовался! Увидели Тома, убедились, что жив. Вот если бы он погиб, тогда слёзы кстати! Послушайте, что я скажу. — Он обнял Пера крепче. — В следующий раз, как приметите Тома, будьте осторожнее. Стойте на месте и тихонько маните. Ни за что не бегите к нему! А мы с мамой сегодня вечером выставим ему поесть, я нарочно мяса захватил. Мама молока пусть нальёт. Мало-помалу приручим опять, станет привыкать и всё ближе подходить. Только помните: бежать к нему нельзя, даже идти быстро, не то он ещё больше оробеет! А как привыкнет, станет близко подпускать — не спешите брать его на руки или задерживать каким-нибудь способом. Разве что по спине погладить, тихонько так, не горячиться!

Пер и Лиза вытерли слёзы и, улыбаясь, смотрели на отца. Кто на свете добрее папы и мамы!

Всё в точности будут делать, как папа посоветовал, и Том снова признает их.

— А второй кот, его вы видели? — спросил папа чуть погодя.

Нет, ни мама, ни дети никого не заметили, кроме Тома. Может, в лесу прятался?

— Если только лиса его не задушила, — сказал отец и встал: пора было выпускать скотину.

* * *

Весь следующий день Пер и Лиза ходили вокруг сетера и звали Тома:

— Том, Том, кис-кис!

Зашли в лес, искали за кочками, за деревьями. До тех пор звали, пока не охрипли. Отец и мать следили за ними, стоя на крыльце. Хоть бы поскорее Том вернулся к ребятам и стало бы всё по-старому, по-хорошему...

Но недаром говорится: на всякое хотение должно быть терпение. Том не мог побороть своей робости, он не прикоснулся ни к мясу, ни к сливкам, которые мама налила на блюдечко и поставила на крыльцо для него.

Зато, когда на следующий день мама вечером пошла доить, кот сидел возле двери в коровник. Завидев её, отскочил в сторону, но не убежал, а отошёл на безопасное расстояние и снова сел. С того самого часа, как он увидел Пера и Лизу, в ушах у него пели голоса. Когда дети кликали Тома, он почувствовал, что возвращается былое.

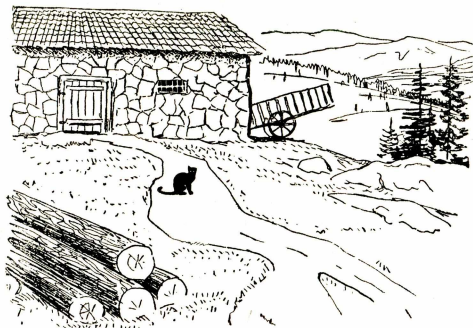
И весь день он ходил крадучись вдоль изгороди, слушал, как они его зовут.

— Том, Том, кис-кис, иди сюда!

Что-то объединяет его с ними, он твёрдо знал это, но что? И теперь, встретившись с мамой, он также пытливо разглядывал её.

— Том, кис-кис, кисонька, иди сюда! — позвала она и протянула ему руку.

Сидит, не шелохнётся, но видно: слушает. Мама ещё бы звала, да доить надо. Том долго слушал умиротворённое дыхание коров, оно вызвало в нём столько воспоминаний... Ночью с крыльца исчезли и мясо и молоко.

Так прошёл и день и два. Пер и Лиза опять встречались с Томом: рано утром, когда они вышли из дома, он стремглав выскочил из сарая и побежал было к лесу, но возле коровника остановился и сел, глядя на них. Дети пошли к Тому, потом вспомнили, что нельзя его пугать, и тоже остановились. Покликали – и вдруг Том ответил долгим «мя-ау».

Пер и Лиза тотчас побежали в дом, поделиться своей радостью с папой и мамой.

– Том нам мяукнул! – кричали они.

– А как же иначе, – спокойно так, уверенно ответил отец. – Вот увидите, он будет вас всё ближе и ближе подпускать. Но, чур, помнить мой совет: не задерживайте его, дороги не преграждайте!

– Нет-нет, ни за что, – заверили дети.

И когда они вечером легли спать, то долго-долго говорили про Тома, пока сон не сморил.

Удостоверившись, что они спят, мама сказала:

– Жаль, кот не понимает, как искренне дети его любят... Он бы сразу к ним пришёл!

– Конечно, жаль, – согласился отец. – Хорошо, что ребята приучаются любить животных, но уж очень много переживаний с Томом. Ничего, всё будет в порядке.

Том теперь каждую ночь съедал то, что ставили ему на крыльце. И всё чаще появлялся возле дома и коровника. Как же хотелось Перу и Лизе поймать его! Но папа не разрешал.

Уговор всего дороже: кот не должен чувствовать никакого принуждения, неволить его нельзя.

Раз, повстречав Тома возле сарая, отец вдруг заметил: что это у него с головой, словно не хватает чего-то... И когда Том пошёл обратно на сеновал, отец притаился и всё разглядел. Одно ухо кота было надорвано, словно лоскут висело. Это надо же, как досталось бедняге! Должно быть, в жестокую переделку попал...

Придя в дом, папа рассказал: мол, Том-то чуть без уха не остался.

— Не иначе с лисой схватился, — продолжал он. — Вот вам и ответ: почему он один. Встретили лису, меньшего кота она одолела, а Том посильнее, вот и отбился, только ухо пострадало. Ну да и лиса вряд ли ноги унесла — вон какой наш Том огромный!

Папа это даже с гордостью сказал. Понятно: коли ухо оторвано, без схватки не обошлось. Если бы папа знал, что из поединка с лисой Том вышел без единой царапины, что раненое ухо памятка о единоборстве с куда более опасным зверем, который мигом справился бы с обыкновенным котом!

Мама и дети тоже думали, как и папа, что виновата лиса. Бедняга Том, должно быть, больно ему. Пришёл бы к ним, уж они бы его вылечили!

Теперь Лиза и Пер и вовсе глаз с него не сводили. Не раз он их совсем близко подпускал, и они хорошо видели, как болтается лоскут. Кликали Тома, манили, но кот не решался

подойти. Разве что ответит долгим «мяу» и потянется, словно его погладили.

Папа сразу это подметил.

— Ишь ты! — сказал он однажды. — Скоро и в дом войти отважится!

И в самом деле: кот, что ни день, всё ближе подходил. Ему очень хотелось в дом зайти, особенно когда Пер и Лиза его звали. Далёкие голоса опять стали близкими. Том чувствовал, знал — это его зовут. Вспоминая, он словно на картинке видел себя играющим с детьми на лугу... А вот пьёт молоко возле печки... Вот идёт с Пером на реку и ест рыбу, сколько влезет.

Но ведь была ещё мрачная осень и суровая зима, когда он остался один, беззащитный против других людей, которые щёлкали чем-то страшным. Столько всего было в недобрые, тёмные дни, отделяющие ту пору от нынешней... Пелле, которого сгубил человек, схватки с дикими животными, борьба с голодом, а главное — с одиночеством.

Одинокая жизнь развила в Томе дикость, и она теперь убывала медленно, очень медленно. Он и сам не хотел больше быть диким, но и ручным стать не решался.

* * *

И вдруг Том словно одним махом сбросил с себя дикость, разом от неё отделался. Папа и мама сидели в комнате. Вдруг вбежал Пер

и шёпотом, точно боясь кого-то спугнуть, сказал, подзывая их рукой к окну:

— Глядите, глядите скорей — Лиза и Том!

Папа и мама мигом оказались у окна. И увидели: Лиза сидит на камне и гладит Тома! Да-да!

Гладит и гладит, робко так, осторожно... А Том, огромный чёрный котище, только спину выгибает от наслаждения. Мама и папа не могли от них глаз оторвать. Долго смотрели. Вдруг Лиза тихонько встала с камня и пошла к сетеру, маня Тома рукой. И кликала его — хоть и не слышно сквозь окно, да по рту видно. И Том пошёл за ней! Медленно шёл, с опаской... На крыльце остановился, но Лиза продолжала пятиться, позвала его из сеней. Нет, свернул, не спеша прошагал в сарай и улёгся на сеновале.

Пер и Лиза — за ним, но отец задержал их.

— Не торопитесь, не спешите, — сказал он. —

Первая победа завоёвана, будем готовить вторую.

В последующие дни дети от волнения места себе не находили. Только позавтракают — и за дверь, к Тому. То и дело на крыльце его заставляли. Отворят — он прыгнет в сторону и тихонько мяукает. Позволял даже Перу и Лизе погладить себя, но потом всё-таки уходил.

А однажды Том вошёл в сени. Он почти справился со своим страхом. Тогда мама помашила его из комнаты. Кот нерешительно приблизился, шагнул через порог и остановился. Стоит, осматривается, словно в чужой дом попал. Мама вполне могла бы затворить за ним дверь, но не стала: таким способом дружбу не вернёшь. Зато решилась на другое, что пока не удавалось детям: нагнулась, подняла Тома на руки и села с ним. И кот хоть бы что! Тут и папа подошёл и дети, а он знай себе лежит у мамы на коленях. Ещё и замурлыкал, и стал сам тереться о мамину руку! Потом соскочил на пол и медленно вышел. Они молча проводили его взглядом, от волнения у всех четверых дух захватило.

Вторая победа завоёвана!

* * *

С того дня Том начал всюду ходить за Пером и Лизой. А как-то вечером вошёл вместе с ними в комнату — и к своей постели, и лёг там. То-то

было ликование! Дети так и льнули к нему, то погладят, то ласковые слова говорят.

А уж Том до того доволен, дальше некуда: мурлычет, с боку на бок поворачивается. Чувствовал — вернулось всё то доброе, что на время отделилось от него. Гладкий, шерсть лоснится, и немудрено: сколько бы молока ни пил, блюдец всегда полное, за этим не один глаз следил. Не то что лёд в жёлобе лизать! Да он уже ту пору и забывать начал, стёрся в памяти и поединок с рысью. Только во сне иногда являлись ему и рысь, и росомаха. И кот сердито рычал, а папа говорил:

— Опять наш Том с лисой сражается!

Откуда ему знать, что испытал Том в эту суровую, лютую зиму!.. Он мог только по надорванному уху судить, да и то лису винил. А с ухом и впрямь неладно: лоскут всё болтается, ясно, что не прирастёт. Тому это до того опостылело, так надоело ловить лоскут зубами, что он принялся как-то тереться о берёзу да и оторвал его напроочь. Крови почти и не было.

* * *

Чудесное лето выдалось в тот год. А тут ещё такая радость: Том дома. Папа и мама не меньше детей рады были. Да и кого не порадует такая дружба!

Том не разлучался с Пером и Лизой, никто бы не сказал, что он был диким зверем,

кровожадным охотником. Так быстро забылось всё, что он уже не вздрагивал во сне, спокойно и мирно спал на своей овчине.

Снова, как бывало, мог он подолгу сидеть, наблюдая игру Пера и Лизы, когда дети занимались своими коровами из шишек. И снова вечером шёл в коровник и терпеливо ждал у двери, пока не выйдет мама с полными подойниками. И бежит следом за ней по тропке, мяукает — парного молочка ему не терпится отведать.

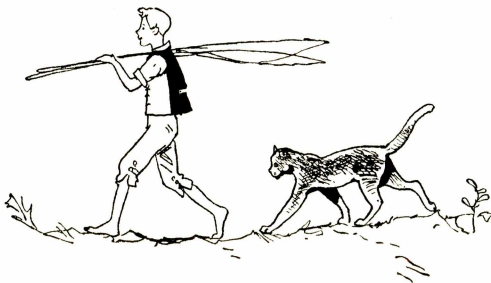
Пер идёт на рыбалку — и Том за ним, будто пёс. Да он такой большой вырос, что и впрямь легко за собаку принять. А папа однажды сказал: мол, готов на корову биться об заклад — во всей стране не найдёшь второго такого богатыря!

Пер с камня на камень прыгает, и Том от него не отстаёт — прыгун не хуже Пера. Возвратясь на берег, Пер угощал друга пойманной рыбой, и кот наедался до отвала.

Не забыл Том и старую игру — любил бегать за бумажным комком на верёвочке. Скакнёт с овчины на пол (даже доски гнулись!) и ну кружиться, ловить!

* * *

Лето к концу подошло. Умолк в лесу птичий гомон, на пышных шапках берёз точно жёлтые плечи появились. Река уже не так басисто

гудела, голос пожиже стал, голубое небо будто выцвело. Тёмными вечерами над лесом словно тяжёлый вздох проносился — это лето вздыхало, чувало, что скоро осень его одолеет. Серым блеском отливали отвесные скалы. И мох на камне казался особенно зелёным — так пламя вдруг лихорадочно вспыхнет в последний раз, прежде чем костру совсем погаснуть.

Наступил сентябрь.

В осенний день с шумным ветром по-над лугами отец сказал, что пора в путь собираться. Больно тёплый ветер, тёплый и порывистый, не к добру это, а к ненастью. И пастбище кончилось, коровы всё норовят в лес уйти, грибы искать, на лугу не удержишь.

И принялась мама готовить к перевозу вниз, в долину, масло, головки сыра и иные припасы.

Настало утро, когда всё было собрано, можно трогаться в путь. Одно заботило всех: как Том себя поведёт?..

— Теперь глядите, как бы его не спугнуть, — сказал отец. — Чтобы он у нас опять не остался! Приготовим ящик и заманим его туда.

Папа взял пилу, молоток и пошёл мастерить. Вскоре он вернулся и поставил на пол уже готовый ящик:

— Такой сойдёт!

Том лежал на своей овчине и внимательно смотрел.

Папа шагнул было к нему, но тут вмешалась мама.

— Ну-ка, лучше я этим займусь, — сказала она, плотно затворив двери. — Кто его первый на руки взял?

Пер и Лиза от волнения боялись слово молвить.

Вот мама подходит к Тому, идёт — приговаривает:

— Ну, Том, пошли, домой пора ехать!

Ласково-ласково говорит.

«Мяу», — ответил Том и встал, и спину дугой выгнул от удовольствия. Мама спокойно взяла его на руки, посадила в ящик.

Сидит, мурлыкает, поглядывая на неё.

— Ура! — закричали Пер и Лиза.

Теперь уж никакого сомнения, что удастся довести его до дома! Но папа на всякий случай крепче обвязал ящик верёвкой — мало ли что...

Вот и конец рассказу про кота, которого звали Том. До самой старости жил он с Пером и Лизой, папой и мамой, жил в дружбе и согласии.

Литературно-художественное издание
Для дошкольного и младшего школьного возраста

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.

Ингвалл Свинсос

Том в горах

Повесть

Перевод с норвежского Льва Львовича Жданова

Художник Георгий Евлампиевич Никольский

Свинсос И.

С24 Том в горах : повесть / И. Свинсос; худож. Г. Никольский ; пер. с норв. Л. Жданова. – М. : Издательство «Мелик-Пашаев», 2019. – 96 с. : ил. (серия: Интересное чтение)

ISBN 978-5-00041-318-0

Норвежский писатель Ингвалл Свинсос (1912–1990) писал и для взрослых, и для детей. Все его книги рассказывают о суровой и прекрасной природе Норвегии и животных, которые там водятся.

Главный герой повести «Том в горах» – чёрный кот огромных размеров. Он родился на хуторе, в семье крестьянина. Дети Пер и Лиза очень любили своего пушистого друга. Но случилось так, что Тому пришлось одному зимовать в горах. Наверное, ни один кот в мире не переживал столько удивительных и опасных приключений, сколько выпало на долю Тома. Тихий домашний мурлыка превратился в дикого зверя, отвоевывающего право на жизнь и еду когтями и зубами.

В конце повести Тому удалось вернуться к людям – в родную семью и снова стать домашним котом.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(4Нор)

Руководители издательства Мария Мелик-Пашаева и Татьяна Руденко

Редактор Виктория Затолокина

Корректор Ирина Москаленко

Цветокорректор Михаил Тиновцкий

Вёрстка Марии Суворовой

Подписано в печать 14.04.2019. Формат 60×84/16

Тираж 5000 экз. Заказ №03343/19

Издательство «Мелик-Пашаев», www.melik-pashaev.ru

Larisa_F

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru